

Адония

Автор:

[Том Шервуд](#)

Адония

Том Шервуд

Сокровища ждут! #5

После гибели родителей от рук жестоких разбойников наследница благородной фамилии, маленькая девочка по имени Адония, попадает в монастырский приют, откуда ее через несколько лет забирает главарь разбойничьей шайки Иероним Люпус, скрывающийся под личиной монаха. Окружив девочку теплом и заботой, он обучает ее военному искусству.

Адония относится к «доброму монаху» с любовью и послушанием, не подозревая, что он повинен в смерти ее родителей. Жадный до наживы Иероним Люпус узнает, что нищий плотник Томас Локк, пару лет тому назад ушедший к южным морям, вернулся богачом. Иероним Люпус решает выведать, откуда у простого плотника такое несметное богатство, и поручает это своей повзрослевшей воспитаннице, Адонии.

«Адония» - пятая книга из цикла романов популярного писателя Владимира Ковалевского (Том Шервуд) о жизни и необыкновенных приключениях мастера Томаса Локка Лея, плотника и моряка из Бристоля, и его друзей.

Том Шервуд

«Адония»

Невесомой звездой

Я лечу за тобой.

Мы расстались в небесных мирах.

В лучезарной дали

Далеко от Земли

Ты мечтал о земных городах.

То в багряном огне,

То на белом коне,

То в атласе карет, то в пыли,

То в шелках, то босой

Я иду за тобой

По бескрайним дорогам Земли.

Мимо синих морей,

Золотых королей,

Мимо вечных рабов и господ,

Я иду сквозь века.

Я бессмертна, пока

В моём сердце надежда живёт.

Пролог

Однажды в Лондоне, поздно вечером, трое, сдвинув головы и придерживая нешироко раздвинутые портьеры, смотрели на дом, стоящий напротив – поодаль, за пустырьём. Это был старый, облупившийся «доходный дом», и, поскольку люди в нём жили бедные, редко какое окно было снабжено занавесками. Во всех квартирках горели свечи: небогатый ремесленный люд

ужинает, как правило, поздно.

Наблюдать, как живут и что делают бедняки – занятие скучное, но те трое, что раздвинули тяжёлые портьеры в тёмном окне, занимались именно этим. Впрочем, их интересовала только одна квартира и только один жилец – на втором этаже.

– Сколько их? – вполголоса поинтересовался один из наблюдающих, глядя на смутные маленькие силуэты.

– Четверо, – ответили ему полушёпотом. – Главный – монах, к которому прислали гонца из Америки. Второй – этот самый гонец. Он сейчас должен уйти. И двое в прихожей – беглые матросы. Много лет плававшие, много раз битые. Прячутся у монаха, кормятся у него, и по его приказу любому пришедшему в дом свернут шею.

– Серьёзные люди.

– Да. Сам монах – в следующей комнате, вот он, видите? Всё его имущество, – и документы, и деньги, – в сундуке под кроватью. Значит, расплачиваться он будет именно там.

– Кто рассчитывал полёт портфунта?

– Я. Высоту их подоконника измерил ночью шестом. Высоту нашего – каболкой с привязанным грузом.

– Баллисту на этом расстоянии испытывал?

– За городом, дважды.

– Если всё-таки портфунт окажется тяжелей или легче, и не влетит в наше окно, а ударит в стену?

– Я подберу, – подал теперь голос и третий. – Лошадь готова. Но всё же лучше, если деньги сразу попадут к вам, радж.

– Сам на это надеюсь. Но всё зависит от баллисты...

– Вот он! – перебил их второй собеседник. – Гонец! Вот, выходит!

– Не вижу, – признался радж. – Ночь тёмная, глаза старые.

– Идёт вдоль дома. Да, в сторону трактира «Уютный угол», там у него каморка под крышей.

– Что-ж, хорошо. Бали, ступай прямо сейчас. Пусть матросы подумают, что это их гонец по какой-то причине вернулся. Лучше, если дверь сразу откроют, без лишних объяснений.

Бали отпрянул от окна, подхватил лежавший в углу тяжёлый мешок, вскинул его на плечо и, выскользнув за дверь, неслышно ступая, заспешил вниз по лестнице. Спустя несколько мгновений он уже мчался, пригнувшись, через пустырь по направлению к «доходному дому».

– Через четыре минуты я с лошастью буду внизу, у стены, – торопливо сказал второй и тоже поспешил вниз.

Оставшийся в одиночестве радж сдёрнул, порвав шнурок, и сбросил на пол портьеры, широко распахнул створки высокого окна – и тоже вышел.

Пригнувшись, ступая мягко, неслышно, он пересёк пустырь, приблизился к старому дому, перешагнул неглубокую вонючую канаву, в которую местные обитатели выливали нечистоты из окон, встал вплотную к стене и здесь совершил несколько неожиданных, но вполне объяснимых действий. Он распахнул тёмный, доходящий до колен плащик, снял с плеча смотанную в бухту верёвку с часто навязанными на неё узлами, положил к ногам. (Едва слышно звякнула о камень привязанная к верёвке маленькая, с остро наточенными крючьями «кошка».) Затем, чуть присев, выхватил из скрытых в рукаве ножен длинный прямой нож, провернул его, словно фокусник, в пальцах, и вернул в ножны. Из второго рукава выхватил второй нож и проделал ещё раз то же самое. Достал из-за спины скрученную в тугий валик небольшую циновку, поставил её торчком, прислонив к стене. И присел возле стены сам, – присел и замер, едва-едва освещаемый светом окон второго этажа.

В ту же секунду в дверь на втором этаже постучали.

– Вернулся! – вскочил с ветхого, продавленного кресла приземистый широкоплечий матрос в рваном нижнем белье.

– Должно быть, забыл что-то, – в тон ему откликнулся и встал с кушетки второй, с волосатой грудью и обвисшим животиком.

– Я открою, – сказал крепыш и, кляцнув запором, толкнул дверь.

Толкнул – и, непроизвольно икнув, отшатнулся. Вместо ожидаемого гонца быстро шагнул в комнатку очень молодой, худенький, с чёрным лицом человек. Не издав ни звука, пришедший пробежал через комнатку к следующей двери, распахнул её и без приглашения ввалился внутрь. Перед глазами остолбеневших матросов мелькнул лишь серый объёмный мешок.

Беловолосый, средних лет монах, в снятой с плеч, откинутой назад и свисающей с пояса сутане, с намыленным для бритья лицом, уронил на пол бритву и освободившейся рукой испуганно перекрестился.

– По делу, о котором вы хлопчете у бишопа[1 - Имеется в виду глава англиканской церкви.]! – торопливо сказал пришелец, и, схватив стоящий у стола стул, переставил его к стене и сел – лицом к двери, к вбегающим уже разъярённым матросам, и мешок выставил перед собой, словно щит.

Почти четверть минуты все молчали. Наконец монах, наклонившись, поднял бритву, машинально провёл щёчкой лезвия по ладони. Переспросил:

– У бишопа?

– У бишопа, – подтвердил чернолицый юнец.

– О монастыре?

– О монастыре.

– Вы ловко вошли в моё жилище, – после паузы снова сказал монах.

– А вы ловко вошли в клир[2 - Кликр – высшее церковное руководство.], – с одной стороны похвалил, а с другой – продемонстрировал знание дела пришелец.

– Я для чего вас держу? – тихо, с зловещей ноткой проговорил монах, проткнув ледяным взглядом матросов.

– Да мы его сейчас... На куски... Гада...

– Пошли вон.

Матросы, виновато переглянувшись, ретировались.

– В высшей степени чернокожий, – сказал монах, обращаясь не к гостю, а к поднятому на уровень глаз зеркальцу, – но с лицом достаточно европейским. По крови – индус? Бенгалец? – сказал, и неторопливо повёл по щеке бритвой.

– Ваш английский нетвёрд, – задумчиво отозвался пришелец, – и с мягким «эр». Белые волосы. Бреетесь вечером, а не утром. По крови – скандинав, но долго жили во Франции?

Монах вздрогнул. Дрогнула бритва. На щеке коротенькая полоска вспыхнула алым. Однако, не подав вида, он продолжил занятие. Дождавшись мига, когда монах закончит бритьё, пришелец встал, опустил на пол мешок и шагнул к столу. На нём стоял таз, с кромки которого свешивался край белого полотенца. Второй край был опущен в воду. Чернолицый взял полотенце, прижал его в воде к дну таза, вынул, слегка отжал, и – подал монаху. Тот, кивнув, принял его и бережно промокнул свежесбритое лицо.

– Ну и кто ты, – спросил он уже несколько изменившимся тоном.

– Я – Мухуши, – ответил юнец. – У нас семейное ремесло. Мы торгуем секретами.

– И ты намерен продать мне какой-то секрет?

– Не какой-то, – ответил индус, возвращаясь к мешку. – А очень дорогой секрет. Он стоит двести гиней.

– О, это большая сумма. Не знаю даже, найдётся ли у меня...

– Найдётся. Судя по взяткам, которые вы уже выплатили церковным сановникам, найдётся, и – золотом.

– Так, картина проясняется. И что же, ты знаешь, где находится подходящее для монастыря землевладение?

– Знаю, месье. Заброшенный замок. Очень большой. Крупный лэнд[З - Лэнд – территория, поместье.]. Между городом Лондон и городом Плимут, ближе к Плимуту. Все остальные условия в точности соответствуют вашим желаниям.

– Без преувеличений?

– Разумеется – без.

– И ты готов открыть мне...

– Да. За двести гиней. И выплатить их нужно – до оглашения секрета.

– Ну что же...

Монах натянул на плечи верх сутаны, взял полотенце, прижал к порезу на щеке, отнял смятый влажный ком, всмотрелся в отпечатавшийся на ткани кровавый штришок. И, вздохнув, достал из ящика стола ключ. Подошёл к кровати, вытянул из-под неё сундук, отомкнул замок, откинул крышку. Достал из сундука весомый портфунт.

Юный индус приподнял в грустной усмешке уголок темногубого рта. Он хорошо понимал, что означала эта открытость – ключ, сундук, деньги. Она означала, что монах уже принял решение лишиться его возможности покинуть квартиру живым.

– Двести гиней, – сказал, присаживаясь на второй стул, монах. – Считать будешь?

Мухуши молча подсел к столу, подтащил к ногам мешок, наклонившись, развязал его и выложил на стол несколько предметов.

– О! – изумлённо поднял брови монах. – Пробирный камень, весы, шаблон для определения толщины монеты... Все будешь проверять на фальшивость, или выборочно?

– Выборочно. Вы – не тот человек, кто станет держать в одном портфунте и настоящее золото, и оловянное.

И, высыпав монеты на стол, Мухуши взял одну из них. Заученным движением провёл большим пальцем по насечкам на кромке монеты, удовлетворённо кивнул, вдавил её в прорезь шаблона... Монах, наблюдая за его действиями, восхищённо-недоверчиво качал головой.

– Ладно, ты действуй пока, – сказал он, вставая со стула, – а я пойду своих сторожей успокою. Как это они тебя пропустили?

Он вышел. Мухуши тотчас бросил монету, наклонился к мешку и достал тяжёлую маленькую баллисту. Подошёл торопливо к окну, выдернул из гнезда стопор, толкнув, раскрыл створки. (Стоящий внизу, под окном радж улыбнулся и поддел носком ноги верёвку с «кошкой».) Мухуши водрузил баллисту на подоконник, быстро закрепил её винтами и, клацая рычагом, взвёл пружину. Потом вернулся к столу, сбросил монеты назад в портфунт, затянул кожаный ремешок, – и в этот миг вошёл улыбающийся монах.

– Ну, проверил? – спросил он нарочито дружелюбным тоном.

– Да, – так же улыбнувшись, ответил гость.

Он взял портфунт, сделал два шага к окну (монах только тут увидел и распахнутые створки, и незнакомый, вдруг испугавший его прибор на подоконнике; – увидел, раскрыл рот, но произнести ничего не успел). Мухуши, положив портфунт в слегка вогнутую чашу, на что-то нажал – и пружины баллисты, неуловимо мелькнув, метнули свой привычный груз во мрак ночи.

Монах оцепенел. С лица его медленно сползала улыбка.

Вдруг за окном раздался короткий свист, и тотчас послышался стук копыт быстро удаляющейся лошади.

– Ну что же, – сказал, сделав голос строгим, индус. – Деньги получены. Теперь – то, за что они плачены...

В эту минуту из невидимых в темноте дверей доходного дома вышли двое случайных людей. Стараясь держаться и в свете окон, и в то же время не наступить в сточную яму, они двинулись вдоль стены. Негромко переговаривались. Вдруг шедший передним замолк и остановился.

– Какой-то мешок, что ли? – шепнул он спутнику.

– Большой? – взволновано спросил его тот. – Что в нём?

– Не знаю. Тяжёлый. Выруби огня!

Послышались удары кресала в кремень, брызнули искры, вспыхнул трут. Слабый огонь осветил – нет, не мешок, а что-то прикрытое старой циновкой. Её нетерпеливо сдёрнули. Под ней оказался привалившийся к стене человек с совершенно чёрным лицом и белыми вытаращенными глазами. Голова его была склонена к плечу, из приоткрытого рта высовывался прикушенный язык.

– Удавили! – прохрипел первый.

Второй торопливо задул трут, и оба пустились бежать. Кто-то упал, вскочил, побежал, громко хлюпая, по самой яме. Радж встал, вернул нож в рукав и замер, снова нащупав носком ноги «кошку».

По свисту, прилетевшему из темноты, он узнал, что портфунт попал точно в окно.

Всё шло хорошо. Голоса наверху были мирными. Оставалось дожидаться, когда Бали покинет дом, и остановить пытающегося проследить за ним матроса. Если тот, конечно, осмелится выйти из логова.

Но останавливать никого не пришлось. Через несколько минут Бали выскользнул из дверей дома и, почти невидимый в темноте, побежал через пустырь.

– Ты умён, – мысленно обращаясь к оставшемуся наверху белоголовому монаху, прошептал радж.

Он закрепил в ножи в налокотных чехлах, поднял верёвку с «кошкой» и неслышно зашагал вслед за Бали, уже растворившимся в ночной темноте.

Пролог, постскриптум

Когда-то Иероним, ночью, в залитом кровью массарском подвале дал ангелу мрака клятвенное обещание. Затем это обещание старательно выполнил. Он исчез из города и, разумеется, из трибунала, – и вместе с ним исчезло золото. Не только то золото, которое он отнял у состоятельных «еретиков», но и вся казна трибунала.

Никто не знал подробностей произошедшего. Никто не смог объяснить эту запутанную историю Сальвадоре Вадару, потому, что вместе с Иеронимом пропали и преданные Вадару помощники: Марцел и Гуфий.

Известно то, что спустя какое-то время на принадлежащих Британии землях Америки, в представительстве англиканской церкви объявились новые пастыри божьи – трое, из которых один был на удивление юным. А через два года после исчезновения Люпуса из Массара он, с лицом, приобретшим ещё большую смуглость, оснащённый самыми надёжными клирикальными документами, в сопровождении небольшой свиты ступил на берег Англии.

Свиты с ним было – четверо человек. Двое из них, – очевидно, самые сильные, – вынесли с корабля и поставили на камни пристани Бристольского порта высокий и длинный, окованный железными полосами, с двумя массивными ручками-скобами ящик.

И тут появился шестой. Он торопливо приблизился, откинул с головы капюшон, явив небу коротко остриженные, совершенно белые волосы, и, поцеловав руку

молодому предводителю немногословной команды загоревших под солнцем Новой Англии клириков, угодливым жестом пригласил всех в стоящую неподалёку большую карету.

– Какого чёрта! – весёлым голосом, широко улыбаясь, откликнулся на этот жест один из тех, кто принёс тяжёлый сундук. – Нас столько дней мучил проклятый океан! Дай хоть минутку постоять на твёрдой земле!

Тут ещё раз подтвердилось, что вовсе не он был главным в компании. Юный, со смуглым лицом священник проворно и молча подошёл к карете и влез в неё, скрипнув откинутой подножкой, – как будто и не было этого весёлого возгласа, и этого разделяемого всеми желания усладиться твердью долгожданного берега. Ни секунды не медля, качнулись за ним вслед все остальные. Виновато кашлянув, «измученный океаном» торопливо склонился, взял в крепкую руку скобу длинного ящика и, коротко глянув на сделавшего то же самое второго носильщика, поднял ящик и потащил.

Приехавшие устроились в объёмном чреве кареты, рассевшись на двух выпуклых мягких скамьях, между которыми протянулся откидной узкий стол.

Карета не двигалась. Запряжённые в четвёрку лошади понуро стояли, похлёстывая хвостами себя по бокам.

Тот, кто встретил компанию, – белоголовый священник, – распахнул дорожные одеяния и на груди его тускло блеснул плоский металлический лист. В верхней кромке его висел небольшой замочек. Отомкнув его плоским чёрным ключом, белоголовый откинул лист, который повис, провернувшись на смазанных маслом шарнирах. Собственно, это был не лист, а крышка сделанной на заказ плоской тонкой шкатулки. В квадрате этой шкатулки – размером ровно «ин фолио»[4 - In folio (лат.) – в полный лист] белели бумаги. Юный священник взял их и торопливо перебросал из руки в руку.

– Бишоп подписал? – всмотревшись в подписи и печати, риторически[5 - Риторически – то есть уже зная ответ.] спросил он.

– Да, подписал лично, – поспешно кивнул носитель шкатулки, аккуратно возвращая бумаги в ящик.

– Ну что же, – блаженно вытянул ноги смуглолицый. (Сидевшие напротив, освобождая для него место, поспешно переместили под столом свои башмаки.) – Расскажи в двух словах, что за место.

– Старый, заброшенный замок, – торопливо заговорил белоголовый. – В очень уединённом месте, на высокой горе. Называется «Девять звёзд». Жизнь ему обеспечивал широкий ручей, который протекал внизу. Я точно навёл справки, точно. Лет двести назад ручей пересох: перестали бить питающие его родники. И все обитатели эти «звёзды» покинули. Теперь замок пуст. И отдан высочайшим повелением в ваше владение для образования там нового монастыря. Бишоп подписал... – И рассказчик многозначительно стукнул себя в железную грудь.

– Хорошо, – кивнул предводитель компании. – Теперь о том – что это за история с тайной.

– Откуда он взялся – не совсем понятно, – заторопился белоголовый. – Пришёл ко мне как-то странный подросток. Чернокожий, но с европейским лицом. Очень важничал. Назвал себя «мистер Мухуши». И так он повёл разговор, что совершенно отпали сомнения: ему известно всё о моём интересе и хлопотах у бишопа.

– Занятно.

– Да! И этот гад нагло заявил, что он представляет семейное ремесло, а именно – торгует секретами. И что за обозначенную им сумму денег он готов передать мне полезную для меня тайну.

– Об этом ты написал. Расскажи подробнее о том, что не доверил письму.

– Да! Я, конечно, согласился для вида. Он потребовал вперёд двести гиней, и я беспечно отдал ему портфунт – у меня тысяча гиней была разделена в пяти портфунтах. Отдал без опаски – знал, что за дверью стоят у меня двое псов – беглые матросы, которые для меня дохлую собаку со дна моря достанут. Так что не долго денежки должны были пробыть у Мухуши. Разумно?

– Разумно.

– И я так думал! Но этот чернец с поразительным спокойствием и нахальством вытащил из мешка небольшую катапульту, закрепил её на подоконнике – и выбросил мои деньги в ночную тьму! Выбросил, подождал, ему свистнули – и с серьёзным видом повернулся ко мне и подытожил, что деньги получены.

– Ловко. Это нужно запомнить.

– Да! Но потом! Этот нахал достаёт и выкладывает передо мной потрясающие бумаги! Всё как вы заказывали, патер: отдалённый пустующий замок, его планы, история, даже окрестные леса и болота! А потом – тайна, за которую он запросил те самые деньги. Оказывается, умерший без воды замок покинули в своё время не все. Его наследник, сын владельца замка, остался сам и сохранил при себе нескольких преданных слуг. Они покупали рабов, или просто похищали крепких здоровьем крестьян – и принуждали их копать бездонный колодец. Копали несколько лет. И, когда они докопались до родников и колодец наполнился – караульные на радостях крепко угостились ромом. Тогда рабы выбрались из шахты и напали на хозяина замка и его слуг. Никто не уцелел, ни один человек, ни с той, ни с другой стороны. Таким образом, тайна осталась скрытой. В замке теперь было вдоволь воды, в нём можно было по прежнему жить – но никто, никто об этом не знал. Как на неё наткнулась семья Мухуши – остаётся только гадать. Но он честно продал мне эту тайну, и я легко добыл разрешение на устройство монастыря в этих «безжизненных» развалинах.

– И что стало с Мухуши?

– Ушёл. Я отпустил его. А что было делать? Деньги-то для меня были потеряны. А он ещё может оказаться полезным.

– Выследить пробовал?

– Нет. Я рассудил – если этот бенгалец такой хваткий, то он и это предусмотрел. Зарезали бы моих матросов возле дома – и что тогда?

– Нужно его найти. Слишком много знает. И подозрительно ловок. Найти, и заставить работать на нас. Если откажется...

– Всё понятно. Люди теперь у нас есть. Завтра же и займёмся.

Белоголовый был отпущен коротким милостивым кивком. Покинув карету, он влез на лавку кучера, отмотал вожжи и тронул застоявшихся лошадей.

А молодой священник, глядя прямо перед собой, в узкую поверхность стола, проговорил:

– Церковную одежду снимешь. Наденешь фартук конюха и будешь конюхом.

Выглядело так, что он обращался ни к кому, но тот, кого это касалось, в ту же секунду всё понял. Цепкая, злая память была у Иеронима: он не забыл, как один из приставленных к ящику позволил себе неуместное восклицание. Не забыл, и сейчас, наказав провинившегося низкой должностью, прибавил:

– Если человек, облачённый в одежды священника громко упомянет чёрта, любому станет понятно, что он не священник, а переодетый пират.

Глава 1

Две монеты

Большая ровная долина с частыми купами лесных зарослей протянулась длинной полосой между двумя речками. Хозяин этого лэнда, рыцарь, имя которого уже забыли, много лет назад отправился в далёкие земли искать военной удачи. Его замок стоял чёрный, безлюдный, с заколоченными окнами и дверями. Разумеется, вполне закономерно, что соседи в отсутствие хозяина более или менее явно пользовались его землями.

Утро в имении

Молодой дворянин вышел на крыльцо, поднял, зажмурив глаза, лицо к слепящему диску солнца, прижал руку к груди. «Как хорошо!» Как хорошо стоять вот так неподвижно, когда солнечный жар, смягчённый шорами век,

наполняет всё твоё существо ласковым, добрым сиянием!

Молодой дворянин, словно ребёнок, играл в тайную маленькую игру: не открывая глаз, он определял, что происходит в его имении. Вот стукнула распахнутая оконная рама, и тотчас последовал шлепок выплеснутой воды: кухарка помыла посуду после завершённого его семьёй завтрака. Собака залаяла. В конюшне послышались топот и окрик: готовят к прогулке его норовистого жеребца. Что-то, коротко звякнув, ударило в дерево: фореитор выложил седло с прицепленными стремями на дощатый настил. Шум крыльев, царапанье птичьих когтей на заборе, – и сейчас же в той стороне хрипло проорала ворона. Снова звон стремян – второе седло...

Солнечный свет вдруг потемнел, а веки непроизвольно вздрогнули: к лицу тепло и мягко прижались чьи-то ладони.

– Ах, моя маленькая жена! – прошептал он, отнимая от глаз и прижимая к губам эти ладони. – Как же ты так неслышно подкралась?

Молодая женщина, не скрывая озорной улыбки, произнесла:

– Мы все готовы. Где экипаж?

Дворянин бросил короткий взгляд на вышедшего из кухни конюшего. Тот поймал этот взгляд, вздрогнул и со всех ног бросился к раскрытым воротам конюшни. А дворянин сказал, обращаясь к жене (с лица его моментально сбежал беззвучный злой окрик, а вернулось на него искреннее тепло):

– Экипаж сейчас выведут. Где наследник?

– Да вон наш наследник. Никак не справится с твоим чудачеством!

Дворянин вскинул голову. На крыльце дома стоял маленький мальчик. Ему, кажется, не было ещё и трёх лет. Малиновый камзол, рыжеватые, свитые в локоны волосы до плеч, жёлтые, с золотым шнуром панталоны. Своими пальчиками, неумелыми, розовыми, он воевал с прицепленной на боку шпажкой, которая никак не желала вывешиваться наискосок-назад.

- Какое же это чудачество. Шпага – символ достоинства!

- Но ведь она тяжёлая для... него.

- Разумеется. Она ведь стальная.

Тут дворянин порывисто сжал узкую ладошку супруги и завершил игру: зажмурил глаза и вслушался.

В эту секунду двор имения заполнила лавина звуков. Хрипя и грохоча копытами вынесся в солнечный квадрат двора чёрный оседланный жеребец. Влитый в седло, крепко вцепившийся в поводья фореитор дико визжал: он был пьян от солнечного позднего утра, обильного завтрака (молодой дворянин к слугам был щедр), своей власти – маленького человека – над тяжёлым и мощным жеребцом. Пьян от острого конского запаха, который напоминал о походах, битвах, привалах, дыме костров и дыме пороха, выстрелах, криках, скрипе выхватываемой из ножен стали, рыцарском мужском братстве.

Долетел до закрывшего глаза человека новый стук копыт, смешанный с шелестом хорошо смазанных каретных колёс: конюший выводил экипаж. Долетел от крыльца тоненький ликующий крик – наследник, забыв про шпажку, присоединился к отработанному в былых боевых нападениях животному визгу фореитора. Долетел тревожный ор сорвавшейся с забора и поспешно улетающей вороны. Донёлся запах приготовленного для предстоящей прогулки жареного мяса.

И ещё один звук – стремительный, частый (рука жены, сжатая в его руке, непроизвольно вздрогнула) – звук побежки тяжёлой собаки.

Дворянин открыл глаза, и тотчас в грудь его ударили прошлёпавшие через весь двор пыльные лапы.

- Здорово, бандит! – пробормотал, оскалившись, дворянин и, крепко вцепившись, потрепал холку большого чёрного пса.

- Ты ведь знаешь, как я его боюсь! – вздрогнув, быстро проговорила женщина и отступила назад.

Пёс же, поприветствовав хозяина, метнулся к крыльцу, к радостно подпрыгивающему наследнику, и привычно сунул лобастую башку под его ручонку – чтобы погладил.

– Вот видишь, – проговорил дворянин, – одна лишь ты боишься. А напрасно, напрасно! Я не встречал более послушной собаки. Псарь-то у нас – немец! – И, приобняв жену, набрал в грудь воздуха и пронзительно крикнул: – Цурюк!!

В ту же секунду пёс, отпрянув от ребёнка, на широких махах помчался к хозяину. Женщина торопливо шагнула к мужу за спину, а тот, снова потрепав пса за холку, с любовью в голосе пробормотал:

– У-у, бандит! Сколько зайцев притащишь сегодня? Пять? Десять?

– Не нужно его брать с собой, – обдав шею супруга горячим дыханием, с безнадёжной мольбой проговорила женщина.

– Да вы-то ведь всё равно будете в карете, – не оборачиваясь, примирительно ответил ей дворянин. – А он зайцев наловит. Жаркое с дымком соорудим, на костре. Знаешь, у соседа на полях сколько зайцев?

– И поля те не наши...

– Пустое. Сколько лет прошло, как сосед уехал в колонии? То-то. Теперь уж не жди. Вот закончатся деньги, что он уплатил вперёд, как налог, – имение выставят на продажу. И я куплю его. Так что это уже почти наша земля. Пойдёт наследнику пятый годок – и я подарю ему собственный лэнд...

Подлетел на согревшемся жеребце фореитор. Спрыгнул с седла, передал повод хозяину, принял и оттащил пса, ухватив за холку обеими руками. Прошелестел хорошо смазанными колёсами экипаж – маленькая прогулочная каретка. Кучер соскочил с козел, открыл дверцу, откинул ступеньку.

– Пора, пора! – весело прокричал молодой дворянин, ловя носком ноги стремя. – Садимся! Ух, утро какое!

И уже через пять минут двор опустел.

Снова раскрылось окно кухни, снова кухарка выплеснула воду. Вернулась и села на верхушку забора, царапнув когтями, ворона.

Встреча в лесу

На неширокой поляне, откинувшись обнажённой спиной на траву, лежал человек. Когда-то здесь проходила егерская дорожка, и сохранилась даже неглубокая колея, выбитая колёсами прогулочных экипажей. Сейчас эта колея едва угадывалась, скрытая травой и молодым невысоким кустарником. В одной из этих колёсных канавок стояли, свесив до земли голенища, ботфорты, а во второй, по другую сторону от лежащего человека, светло дымил догорающий костерок.

Человек лежал неподвижно и смотрел в небо, на медленно плывущее облачко. Лицо его, – лицо бывалого, битого воина, небрежно выбритое, худое, – было по-детски счастливо и безмятежно.

Вдруг в кустах послышался шорох и треск. Лежащий человек, приподнявшись, опёрся на локоть, и в тот же миг на поляну выскочил большой чёрный пёс. С хрипом втянул в себя воздух, пёс угрожающе зарычал, оскалил розовые от крови клыки. Человек, гибко выгнувшись, проворно вскочил, бросился к ботфортам, где, помимо них, рядом, в траве оказались ещё и куртка и дорожная сума. Он склонился, выхватил из сумы нож, но вынуть его из ножен уже не успел. Раззадоренный охотой зверь, приняв этот жест как угрозу, прынул и сомкнул челюсти на судорожно подставленной ему левой руке. Коротко простонав, человек подбросил правую руку к лицу, стиснул зубами ножны и выдернул нож. Пёс, разжав челюсти, отскочил и, утробно рыча, стал «танцевать» короткими скачками взад-вперёд, держась на дистанции от выставленного посверкивающего лезвия.

Послышался топот копыт. Спустя несколько мгновений на поляну вылетел всадник.

Он осадил коня; привстав в стременах, окинул взглядом происходящее и грозно крикнул:

– Цурюк!

Пёс послушно метнулся к нему и встал перед жеребцом, мордой к укушенному им человеку. Обнажив клыки, продолжил грозно рычать.

Молодой дворянин увидел и оценил как ботфорты, так и боевой, изрядных денег стоящий длинный клинок. Он понял, что перед ним – не бродяга. Но и на значительную персону не был похож полуголый, с плохо выбритым лицом, медленно слизывающий с прокушенной руки кровь человек.

– Извини, мастер! – примирительно-беззаботно проговорил всадник и, сунув руку в карман, достал горстку монет.

Он выбрал одну, золотую и, размахнувшись, бросил её к ногам пострадавшего. Пёс принял этот жест как приказ, метнулся вперёд, но новый окрик «цурюк!» остановил его и вернул к ногам жеребца.

Заметь, любезный читатель. Если бы всадник повёл себя ну хотя б немного иначе – не было бы тогда ни взлетевшего к небу женского исступлённого крика, ни многолетнего клацанья железной тюремной решётки, ни хруста прошиваемого клинком живого человеческого тела на круглой арене огромной, выстроенной кольцом башни, служащей для предельно жестоких и отчаянных поединков, ни тупого безотчётного страха, поселившегося в сердце Глюзия, лучшего фехтовальщика «Девяти звёзд» после тренировочного поединка с невзрачным доброжелательным рыболовом, ни гнусавого (ором отравленного весенним воздухом «гуляющего» кота) крика того же Глюзия во дворе Эксетерского постоялого двора, ни юной, старательно обучаемой демонизму, умело-жестокой, очаровательной рыжей ведьмы. Не было бы и этого всего, и ещё много чего ненужного под нашим общим голубым небом, если бы всадник торопливо спрыгнул с седла, пнул (обязательно!!) бесконечно преданного ему пса, взял его на прицепленную вторым концом к седлу лонжу и подбежал бы к полураздетому, блёклому, плохо выбритому человеку. Да, подбежал, с демонстративной заботой осмотрел рану, предложил перевязать. Потом назвал бы себя и, не взирая на дворянский свой титул, безоглядно признал себя виновным в произошедшем и спросил после этого, чем эту самую вину он бы мог искупить. Девяносто девять из ста: сдержанно-быстро (если так можно сказать в угоду одновременному изображению эмоции и действия) возвратив кинжал в ножны, укушенный ошалевшим от заячьей охоты псом человек махнул бы рукой и небрежно сказал: «О, всё бывает. Не переживайте, я и не к такому привык».

И дальше, если бы возникла с обеих сторон без слов продемонстрированная готовность к знакомству, оно бы ненавязчиво состоялось, и каждый сосед приобрёл бы доброжелательного к себе второго соседа, с искренней многолетней готовностью к взаимопомощи, и тогда прочность жизни, твёрдо поддерживаемая с обеих сторон, ещё больше бы укрепилась.

Вместо этого, непоправимо, как мы уже увидели, неуловимо-надменно, сверху вниз, всадник швырнул монету. И, вместо действий демонстративно-смиранных, молодой дворянин послал в сознание незнакомого ему человека далеко-далеко запрятанную угрозу, состоявшую в том, что противостоять ему по меньшей мере не очень разумно, поскольку он тренирован, силён, рука его тверда а действия в точности и мощи их безупречны. Послание это было запечатано в траектории, выписанной жёлтым блеска монеты, которая легла изумительно точно между босых ног пострадавшего.

И пострадавший, – мы с напряжённым удивлением видим, читатель! – повёл себя несколько странно. Он ступил, нащупал большим пальцем ноги лежащую в траве монету и, поддев, отшвырнул её в сторону, в заросли.

– Это золото, – озадаченно сообщил ему очевидное всадник.

– Моя кровь может и стоит целого соверена, – ответил укушенный. – Но моё достоинство стоит дороже. Извини, мастер.

– Значит, ты всё-таки дворянин, – проговорил всадник, успокаивая загарцевавшего жеребца.

– Меня зовут Джаддсон.

– А-а, – протянул хозяин собаки. – Так это ты наш пропавший сосед...

– Да. И земля, на которой мы стоим – моя земля. Как и зайцы, что наловил сегодня твой пёс.

Всадник с досадой взглянул на болтающиеся за его седлом тушки зайцев, добыл ещё одну монетку – серебряную, и бросил её к ногам человека с кинжалом.

– Это тебе за зайцев, – уже открыто неприязненно сказал он. – И я советую не расшвыриваться монетами попусту. Судя по всему, ты вернулся, как и уезжал, голодранцем. Что, военная удача – дама капризная? Оцени своё ущемлённое достоинство, я возьму его деньгами, и мы друг о друге забудем.

– Согласен, – вполне миролюбиво сказал Джаддсон. – Пять тысяч.

– Чего пять тысяч? – недоумённо переспросил всадник.

– Пять тысяч фунтов. Я так оцениваю своё достоинство. Плати и убирайся.

– Ты... Ты в своём уме?!

– Безусловно. Но ты, кажется, удивлён? Позволь поинтересоваться – чему? Ты нарушил границу, ты скачешь по моему имению, ты травишь моих зайцев, твой пёс напал на меня, дворянина, и испортил мне руку, – и вот ты предлагаешь мне оценить денежно причинённые тобой неудобства. Я и оцениваю. В пять тысяч.

– Ты сумасшедший! Да всё твоё прогнившее имение не стоит и тысячи фунтов, а ты у меня требуешь пять!

– Сумасшедший? Позволь возразить. Ты сам признаёшь, что я – лицо пострадавшее, а ты – лицо виновное. Исходя из этого ты предложил оценить ущерб моему имуществу, здоровью и чести. Я оценил. Может быть, тебя не устраивает сумма, но, как ты сам только что предложил, оцениваю я, а не ты. Кроме того, милый сосед, смею заверить, что ты выплатишь мне эту сумму – всю, до последнего пенни.

– Я до сих пор считал, – откинувшись в седле, исказив лицо кривой ухмылкой, процедил всадник, – что мой пёс не боится бешенством. Но вот стоило ему тяпнуть тебя – и ты сходишь с ума. Запомни...

Ему не дали договорить. С шумом раздвинулись ветки кустов и на поляну вывалился странного вида охотник. В руках у него было длинноствольное охотничье ружьё, на голове – старинный металлический ржавый шлем, грудь и бёдра закрывал длинный кожаный панцирь с наклёпками, а ниже него нелепо белели босые, кривоватые, с чёрной порослью ноги. Но забавным человек был

лишь на первый взгляд. В один миг он окинул взором всадника, Джаддсона с окровавленной рукой, глухо зарывавшего при его появлении пса, подбросил к плечу ружьё и, почти не целясь, нажал на курок.

Он попал точно в сердце. Пуля прошла пса навывлет, срезав ещё ветку с куста. Чёрный зверь грузно лёг, где стоял. Лапы его коротко дёрнулись, и он затих.

На мгновенье опешив, всадник привстал в стременах, выхватил из ножен короткую шпагу и ударом шпор бросил коня по направлению к босоному стрелку, который, не обращая на него никакого внимания, повернул ружьё стволом к себе и, неуловимо быстро пробанив ствол шомполом, уже засыпал в него новый пороховой заряд. Но Джаддсон, шагнув вперёд, перебросил кинжал в руку, схватившись за лезвие, в положение броска, и вскинул руку над головой. То, как умело и хищно он это сделал, заставило всадника охватиться ледяным ознобом. Он резко дёрнул узду и конь, рванув в сторону, унёс его в заросли.

– Просите меня, сэр Джаддсон! – крикнул, зарядив ружьё, охотник, – не ожидал, что здесь могут быть такие гости! Сильно поранены? Сейчас перевяжу!

Он подбежал к суме, выбросил из неё свёрток с едой, добыл какие-то ткани, но перевязывать руку не стал. Сначала он вскинул голову (его шлем упал позади него на землю), приставил к губам медный, завитый в кольцо рог и несколько раз протрубил. Лишь после этого, подхватив ткань и на ходу разрывая её на полосы, двинулся к озабоченно осматривающему руку Джаддсону.

Спустя пять минут людей на поляне прибавилось. Выбежал из зарослей хорошо экипированный, в сапогах, с таким же длинным ружьём второй охотник.

– Вы трубили? – громко спросил он и, увидев перемотанную белой тряпицей руку, задал новый вопрос: – Что случилось?

– Пёс, – сэр Джаддсон кивком указал на чернеющую в траве тушу. – И один нахальный сосед. Конный.

– Так-так, – понимающе проговорил прибывший. – Конный с собакой, утренняя охота. А не с ним ли была эта карета?

– Что за карета? – заинтересованно спросил Джаддсон, одной рукой помогая себе натянуть ботфорты.

– Ехала по вашим землям, сэра. В ней – дамочка и ребёнок. Кучер с нами весьма грубо разговаривал, и Робби сломал ему нос.

– Где карета сейчас?

– Робби едет на ней сюда. И путешественничков везёт. Мы рассудили – вы сами решите, что с ними дальше делать.

– Правильно рассудили. Если дама с ребёнком и владелец собаки – одна компания, то...

– То этот гад вернётся сюда, по следам колёс! – закончил за него фразу босоногий стрелок.

– Именно, – кивнул Джаддсон, затягивая подколенные ремешки ботфортов. – Готовьте оружие, джентльмены.

Добрый судья

Вскоре послышался говорок каретных колёс, стук копыт и на поляну выкатился высокий и узкий прогулочный экипаж. На козлах вместо кучера сидел Робби – крепкого сложения мужчина лет тридцати, с рыжей густой бородой, в кожаной куртке без рукавов. Его массивные, мускулистые руки покрывал тёмный заморский загар.

– Вклинь коней в куст, Робби! – крикнул Джаддсон, – вот там!

Пара гнедых лошадей, повинувшись резкому удару хлыста, рванула и, ломая ветви, втиснулась глубоко в заросли и там встала. На поляне остался лишь задний угол кареты – запятки и левая дверца.

– Пусть выйдут, – распорядился владелец имения, принимая от одного из спутников пистолет и просовывая его ствол за поясной широкий ремень.

Из кареты довольно бесцеремонно извлекли безмолвную, с бледным лицом даму и трёхлетнего рыжеволосого мальчика с крохотной шпажкой у пояса. В отличие от матери ребёнок имел настроение весёлое, безмятежное. Едва лишь ножки его почувствовали землю, как он резво бросился к лежащему псу и, заливисто хохоча, принялся тянуть его за ухо. Даму же подвели к запяткам кареты, и там она встала между задними концами рессор, дрожа, охватив плечи руками.

– Позвольте представиться, – проговорил, подходя к ней, владелец имения и делая полупоклон. – Меня зовут Джаддсон. Вы ехали по моей земле. Мои егеря задержали вас. Не обижайтесь на их решительность – у них такая работа. Выражаю надежду, что скоро всё разрешится, и прошу вашего позволения задать вам один вопрос.

Женщина, опустив руки, изобразила едва намеченный реверанс и тихо произнесла:

– Конечно... Пожалуйста...

– Вы не путешествуете в сопровождении молодого человека приятной наружности, с короткой шпагой, восседающего на крупном вороном жеребце?

– Да, – не поднимая глаз, почти шёпотом подтвердила женщина. – Это мой муж.

– Прекрасно. Думается, сейчас он будет здесь, и всё, без сомнения, разрешится. Забавный у вас мальчик.

Женщина подняла голову, взглянула на веселящегося ребёнка и позвала его:

– Адам!

Как и следовало ожидать, ребёнок не обратил на её призыв никакого внимания, и она снова направила взгляд в землю перед собой и снова, скрестив руки, охватила себя за плечи.

Молодой дворянин появился почти тотчас. Осадив коня, он окинул взглядом ребёнка, жену, стоящую возле кареты, пару стволов, направленных ему в грудь, и, скрипнув зубами, спешился.

- Шпагу, - негромко произнёс Джаддсон.

Дворянин расстегнул портупею и шпага, звякнув кольцом крепления, свалилась в траву. Робби подошёл, поднял её - и вдруг тяжёлым эфесом с силой ударил дворянина в основание шеи. Тот упал на четвереньки. Женщина отчаянно закричала, и сразу же, бросившись к матери, в голос заплакал ребёнок.

- Свяжите его, - распорядился, перекрикивая шум, Джаддсон.

Спустя минуту он неторопливо подошёл, поднял лежащего на боку дворянина, усадил его и, приблизив лицо, взглянул ему прямо в глаза. Тот поддёрнул связанные за спиной руки и, не отводя взгляда, проговорил:

- У меня не будет пяти тысяч, даже если я продам всё, что имею.

Джаддсон кивнул, выпрямился. Сделал знак Робби. Тот отрезал кусок верёвки, быстро и жёстко связал женщине руки и примотал их к каретной рессоре. После этого взял визжащего ребёнка подмышку и, прижав ртом к груди, заглушил его крик.

- Повесьте их, - ровным голосом приказал Джаддсон. - Вон на том дереве. И его самого, и собаку, и мальчика. Картина будет называться «три пса».

Потом, взглянув в ещё не совсем понимающие, но предельно расширившиеся от ужаса глаза женщины, пояснил:

- По другому нельзя. Сын вырастет - будет мстить.

- Подождите! - крикнула женщина. - Умоляю! Это не...

Её голос заглушил дробный топот копыт. Разлетевшись по старой егерской дорожке, на поляну вынеслась кавалькада. Передний всадник, юный, хорошо сложенный, в чёрном плаще и в чёрной же шляпе резко осадил коня, отчего тот

встал на дыбы. За ним показались и, сдерживая коней, стеснились ещё несколько всадников. Всего их оказалось пятеро вооружённых короткими мушкетонами мужчин, – все в чёрных одеждах, – и старый, лет семидесяти, монах.

– Помощи! Помощи! – что было сил выкрикнула женщина. – Защиты и помощи!

Монах что-то быстро сказал, и его спутники в один звук слили хруст взведённых курков. Пять коротких и толстых (без сомнения – с картечными зарядами) стволов выставились против двух охотничьих ружей.

– Кто главный? – спросил монах из-за спин сопровождающих его всадников.

– Я, – ответил сэр Джаддсон и, невесомо приподняв руку, заставил своих егерей опустить ружья. – Я пострадал от этого человека и вершу над ним суд. А вы, святой отец, кем бы вы не были, знайте, что находитесь на моей земле.

– Понимаю, – чуть помедлив, отозвался монах. – Если мы пользуемся вашей дорогой... То готовы вам заплатить стандартную дорожную пошлину. В тройном размере. Поскольку мы едем здесь уже третий раз.

– Это достойно, – слегка поклонился сэр Джаддсон. – Но намерены ли вы, святой отец, вмешаться в мои дела с этим семейством?

– Намерен, – твёрдо сказал монах, – и вмешаюсь, поскольку призыв к этому прозвучал. Но пока вмешаюсь лишь настолько, чтобы уяснить себе суть происходящего. Я выслушаю обе стороны – и заверяю вас, джентльмены, разрешу спор справедливо и честно. Кто будет говорить первым?

Спустя несколько минут, выслушав неторопливый рассказ владельца имения, монах спросил у молодого дворянина:

– Ты с чем-нибудь не согласен, сын мой? Твой обвинитель ничего не напутал?

– Нет, – ответил, с трудом вставая на ноги, дворянин. – Всё так. Но я должен сказать... Он – сумасшедший! За пустяковую рану он потребовал пять тысяч фунтов! А когда узнал, что у меня нет таких денег, распорядился повесить –

меня и ребёнка!

- И мёртвого пса, - серьёзно добавил Джаддсон. - Для компании.

- Сын мой, - сказал, обращаясь к связанному дворянину, темнолицый монах. - Со скорбью свидетельствую, что ты намеренно искажаешь факты. Деньги, как выясняется, у тебя потребовали не за рану, - кстати, не тебе судить, пустяковая она или нет, - а большей частью за ущемлённое достоинство. Так?

- Именно так, - наклонил голову Джаддсон в ответ на направленный в его сторону взгляд монаха.

- Но сын мой, - снова обратился монах к связанному, - иное оскорбление чести стоит и миллиона. И судить об этом - только тому, кому нанесено оскорбление. Пострадавший оценил его в пять тысяч - и что я могу возразить?

- Но послушайте, святой отец! - отчаянно вскрикнула женщина. - Он распорядился повесить не только моего супруга, но ещё и ребёнка! Под тем предлогом, что он, когда вырастет, будет мстить!

- Да, - жёстко вставил сэра Джаддсон. - Повесить и его, чтобы избежать беспокойной жизни в дальнейшем. А вас, леди... Нет, вас убивать не за что, но в подвал посадить до конца дней ваших - придётся. Иначе вы первое, что сделаете - потянете меня в суд.

- Думаю, это справедливо, - вдруг произнёс монах. - Дочь моя! Причиной всему был твой муж. Следовательно, он должен понести наказание, определяемое пострадавшим. Далее. Владелец этого леса и этой дороги вынужден повесить и сына - на том простом основании, что тот действительно будет мстить. Так же, как вынужден и тебя лишить возможности навредить ему. Твой супруг бросил камешек, который вызвал лавину. Не станешь же ты обвинять за это саму лавину?

- Святой отец! - отчаянно закричала женщина. - Спасите ребёнка! Это не мальчик!

- Что это значит? - быстро дёрнул капюшоном монах.

– Это девочка! Муж мечтал о наследнике, а когда родилась дочь, он стал звать её мужским именем, и одевать в мужскую одежду! И даже шпажку... Она не будет мстить! Это не сын!

– Это так? – после небольшой паузы спросил монах у дворянина.

Тот удручённо кивнул головой.

– Тогда... – монах помедлил, о чём-то задумавшись, и обратился к Джаддсону: – Тогда позволь, сын мой, сделать тебе предложение.

Всё замерло на поляне. Какой-то миг даже лошади не фыркали и не переступали. А монах завершил свою мысль:

– Я готов, сын мой, купить у тебя эту женщину, и эту девочку. За любые деньги. У меня есть гарантии, что никто из них никогда не обратится в суд, и я готов тебе эти гарантии предъявить. Ты же можешь повесить и виновного в происшедшем, и его пса. Замечу ещё, что наши мушкетеры здесь ни при чём. Если ты не согласишься – мы просто уедем.

– За любые деньги? – задумчиво проговорил Джаддсон.

– Именно так.

– Что ж. Согласен.

– Расплатись, – громко бросил монах одному из спутников, а второму тихо добавил: – Всех их – к нам в «Девять звёзд».

– Сделаем, патер, – прошептал всадник ему в ответ.

– И главное, – сказал монах, и всадник поспешно склонил голову, вслушиваясь. – Эта девочка для всех, кто живёт по соседству, должна стать сиротой. Обставь так, что родители её просто исчезли. Карету отгони к болоту и оставь там у самого края. А девочку... Ну, пусть найдут где-то рядом, в лесу. Потом о её воспитании должен позаботиться наш монастырь. Мне нужна не только она, но ещё и выписка из церковной книги о её рождении.

– Всё сделаем, патер, – понимающе кивнул всадник. – И пса уберём, и все другие следы.

– Скажи, дочь моя, – спросил после этого Люпус, направляя коня к женщине, – как зовут твою девочку?

Женщина всхлипнула и, закрыв глаза, простонала:

– Адония...

Ростовщик

К этой встрече Люпус готовился долго и напряжённо. Человек, с которым ему предстояло провести серьёзный деловой разговор, был довольно известен: Люпус ехал к необъявленному главе лондонских иудеев – ребе Ицхаку. Предварительные расспросы успокаивали: ребе был обыкновенным пожилым торговцем. Но чудовищный план, который жадно ворочался в сознании Люпуса, заставлял бывшего инквизитора зябко передёргивать плечами. Проблема была не в том, как нанести внезапный удар, а в совершенном уничтожении всех следов. У полиции не должно быть ни тени сомнения в том, что произошла ужасная, но случайность!

Немного успокаивало то, что команда, необходимая для исполнения плана, была подготовлена хорошо. Да и дело обещало быть не просто выгодным, а ослепительно выгодным! В случае удачи Люпус привёз бы в сокровищницу монастыря столько денег, сколько его разбойничья шайка, пусть даже и такие удачливые, как компания Цынногвера Регента, не награбили бы и за двадцать лет. Да вот они и не награбили...

В карете Люпус был не один. У него имелся попутчик – высокого роста и с правильными чертами лица юноша лет девятнадцати. Он, как и старый монах, был сосредоточен и деловит.

– Филипп, я не спросил, – вполголоса поинтересовался старый монах, – как у тебя с древнееврейским?

– Учитель хвалит меня, патер, – ответил молодой человек, – но, мне кажется, он хвалит тем самым свою работу. А я переживаю, что говорю недостаточно бегло. Мне этот невообразимый язык даже ночью снится!

– Беды в этом нет, Филипп. Ты и не должен бегло говорить. Главное – понимать, о чём шепелявят евреи, когда говорят о тайном среди чужаков. Только так ты сможешь выдержать свой последний экзамен. Люди вокруг тебя будут далеко не простые.

– Я помню, патер.

– Конечно, было бы лучше представить тебя немым, – чтобы избежать опасности отвечать на вопросы ребе Ицхака, но тогда ты не смог бы в нужный момент обронить пару словечек, а это, как ты понимаешь, необходимо для того, чтобы Ицхак оставил тебя в своём доме.

– Да, да, понимаю.

Остаток пути совершили в молчании. Оба думали о своём, и оба были предельно серьёзны.

Наконец, прибыли, и весьма удачно: ребе обедал, так что можно было осмотреться, привыкнуть к атмосфере чужого дома. Филипп и Люпус смиренно и тихо сидели на грубой деревянной лавке в маленькой передней зале. Над их головами басовито гудела и раз за разом тупо билась о выбеленный потолок крупная синяя муха. Скрипнула дверь; мальчик пронёс из кухни в кабинет ребе фарфоровую, накрытую крышкой супницу. Толкнул плечом дверь кабинета, вошёл, приостановился, пяткой поддел и притворил дверь.

– Лапша с гусятиной, – шёпотом сообщил, втянув носом воздух, Филипп.

– Разумеется – не со свининой, – так же шёпотом откликнулся Люпус.

Обед завершился. Мальчик вынес поднос с использованной посудой, потом взял у патера его рекомендательные письма, внёс в кабинет, вышел уже без них – и пригласил приехавших войти в кабинет. Филипп остался сидеть на лавке, а патер вошёл.

Ребе встретил его сидя. Кивком пригласил занять – не кресло даже – а деревянный, с высокой спинкой и подлокотниками трон. Иероним поклонился и сел, и увидел, что немного возвышается над хозяином кабинета, а ребе ещё и склонился над столом, так что взору Люпуса открылась круглая чёрная кипа на его макушке. «Ловкий ход, – подумал Иероним. – Сидеть выше – значит, почувствовать своё превосходство, а почувствовать своё превосходство – уже проигрыш.»

– Вас рекомендуют люди, слово которых для меня ценно, – глядя в бумаги, мягким и добрым голосом проговорил ребе Ицхак. – Я прожил нелёгкую жизнь, и волосы мои поседели. Я кое-что повидал в этой жизни. Но сейчас я не могу даже предположить, какая забота привела ко мне англиканского священника, настоятеля богатого монастыря. Вот, знакомые мои пишут, что вы, патер, несколько лет брали у них множество товаров, и платили сполна, не торгуясь. Стало быть, вы не будете просить у меня денег в долг под проценты. Что же тогда?

– Я хочу, ребе, дать вам денег в долг под проценты.

Ни тени озабоченности или удивления не отразилось на лице мудрого седого еврея. Нет, он не демонстрировал незаурядную внутреннюю силу. Просто был таким. Вот он и не кивнул даже, а праздно и бесхитростно слушал.

– Как вам обо мне, так же и мне рассказывали о вас, – продолжил, скрипнув приступкой тронца, Иероним. – И я представляю вас как человека, который, приди к нему в руки крупные деньги, удачно решит, какое придумать для этих денег дело, чтобы их увеличить с приятной выгодой для обеих сторон.

– Какую же сумму уважаемый гость назвал бы «крупные деньги»? – всё так же спокойно и мягко проговорил ребе.

Патер переместился ближе к краю сиденья (трон скрипнул отчётливей), протянул руку, – ребе, встав, вложил в неё, обмакнув прежде в чернильницу, перо, придвинул in quattro бумаги, – и патер медленно начертил цифру. Затем, выждав секунду, добавил к цифре значок, который в символах алхимии обозначает золото.

Нет. И теперь осталось бесстрастным лицо Ицхака. Его интерес выразился лишь в вопросе:

– А в какой срок вы, патер, могли бы привезти ко мне эту сумму?

– Она уже здесь, уважаемый ребе. То есть, в нашей карете. Мой казначей один не поднимет, так вы, ребе, пошлите к нему ваших хотя бы двоих – и они внесут прямо сюда.

Ребе протянул руку, позвонил в колокольчик и, когда в дверь заглянули (патер не обернулся), отдал распоряжение.

Не прошло и десяти минут, как в кабинет внесли ту самую, из прихожей, широкую лавку, и на неё взгромоздили плоский, длинный, в сплошной железной оковке сундук. Филипп, потирая друг о дружку ладони с красными рубцами, продавленными скобой сундука, с ожиданием глянул на патера. Тот кивнул. Филипп снял с шеи ключ на цепочке, щёлкнул пружиной замка и отворил крышку. Под ней открылся толстый войлочный мат, и Филипп, поддев за края, вынул его.

«Вот ты и попался, – облегчённо вздохнул про себя Люпус, отследив, как отчётливо порозовела кожа на лице у Ицхака. – Вот ты и попался.»

В ширину сундука, от борта до борта, в лунках, покоились и матово поблёскивали сложенные в столбики золотые монеты. И столбики эти были уложены во всю длину – так же от борта до борта, и было их два слоя; лунками же для рядов верхнего слоя служили углубления между округлыми боками нижних рядов.

– Позовите Давида, – сказал ребе и, слегка поклонившись Иерониму, добавил: – будем считать.

Несуетная, неброская торжественность воцарилась в кабинете-конторке ребе Ицхака, безмолвное ликованье. Давид, невысокого роста толстячок с бородой, едва только тронутый седыми нитями, с лицом, поразительно схожим с лицом отца, пересчитывал количество монет в столбиках, затем – количество самих столбиков, а ребе, сидя за столом своим, на большом листе плотной бумаги выводил аккуратные маленькие цифры.

Подсчёт закончился. Ребе начертал итоговую сумму, провёл под ней ровную тонкую линию и, взглянув на in quatro Люпуса, глубоко, уважительно кивнул головой.

– Вы не желали бы пообедать? – спросил он так же кивнувшего Люпуса. – Вы часок проведёте в столовой, а я часок проведу здесь. Мне, как вы понимаете, предстоит очень сложное дело: подсчитать – какие проценты мне нужно будет вам вернуть вместе с вашим золотом, и в какой срок.

(В эту минуту в кабинет, быстро, не постучавшись, вошёл ещё один посетитель.)

– Охотно и с благодарностью пообедаем, – склонил голову патер. – И то, что главный вопрос мы решим уже сегодня, – искренне радуется.

Ребе позвонил; дверь приоткрылась и показался уже знакомый мальчик. Он выслушал поручение и сделал жест двоим гостям следовать за ним. Люпус посмотрел на Филиппа, тот поклонился и, с видимой неохотой сняв с шеи затейливый ключ, протянул его Давиду. Но принял ключ не Давид, а тот самый новый посетитель – высокий, худой, слегка сутуловатый молодой человек.

– Это Мосий, – видя, что Филипп не отпускает из своей руки конец цепочки, поспешно сообщил ребе. – Он хранит мои деньги, а теперь и ваш сундук тоже.

Филипп уступил ключ, ещё раз поклонился и вышел вслед за направившимся к двери патером.

– Мосий – своего рода начальник охраны, – шепнул он Люпусу, когда они сидели за обеденным столом.

– Это очевидно, – кивнул ему Люпус. – А вот что он скрывает – сможешь ли уловить?

– Мне кажется, – Филипп уставил задумчивый взгляд в пространство, – он волк-одиночка. И охраняет он ребе лишь до той поры, когда и самого ребе, и его деньги сожрёт.

– Точно! – не без удовольствия посмотрел на него настоятель. – Кто есть ребе? Трудится. Кормит семью. Помогает родственникам и друзьям. Молится, ест, спит. Пустышка. А вот Мосий – тот крови не забоится. Наш человек.

– Хорошо бы его как-то задеть, – с хищным азартом улыбнулся Филипп, – увидеть, насколько зол и до какой степени сдержан.

– Да, интересно, – едва заметно улыбнулся довольный учитель.

Они быстро отобедали и, не выжидая завершения оговорённого часа, позвали мальчика-служку отвести их к хозяину дома.

– Ещё минутку, пожалуйста, – сказал им ребе, когда они вернулись в его кабинет, и продолжил что-то азартно обсуждать со своими помощниками на древнееврейском.

Люпус снова занял тронц, а Филипп с равнодушно-отвлечённым лицом встал у стены.

Минутка затянулась на добрые полчаса. Наконец, перейдя на английский, ребе сказал:

– Мы обсудили дело. Собственно, я придумал его тому уже много лет. Вот только до сих пор у меня не было достаточно денег.

Люпус молчал, с демонстративной почтительностью слушал.

– Я могу, – сидя за своим столом, широко развёл руки Ицхак, – гарантировать вам пятьдесят процентов. То есть, если вы предоставите два таких сундука, то через год я верну вам три.

– Я могу, – с той же интонацией произнёс Люпус, – предоставить четыре таких сундука. С тем, чтобы через год получить шесть. Но у меня есть условие.

– Разумеется, – вздохнув, качнул кивком ребе. – Я слушаю.

– На четыре сундука мне нужна ваша долговая расписка, а на те два, что составят предполагаемую прибыль, – ваш вексель для предъявления в финансовый дом Соломона из Любека.

Сказал – и кротко сложил руки на животе. На минуту воцарилась тишина, только с тем же надрывным гудом билась в потолок залетевшая в конторку синяя муха.

– Но! В таком случае... – вдруг воскликнул высоким и напряжённым голосом Мосий.

– Кто тебе сказал, что ты можешь говорить? – вдруг чётко и резко выговорил Филипп, и взглянул, и взгляд его заставил высокого сутуловатого хранителя денег захлебнуться и замолчать.

– Простите моему казначею его бестактность, – улыбнувшись, беспечно протянул Люпус. – Он ревнует к золоту, с которым расстался.

– Его замечание вполне уместно, – наклонив кипу, сказал ребе. – Мосий, запомни на будущее: когда двое говорят о важном, третий безмолвствует.

А затем невозмутимо договорил оборванную фразу, обращаясь уже Люпусу:

– В таком случае вы уже в ближайшие дни заберёте два сундука монет у Соломона.

Люпус молча кивнул. Ребе, не отводя от него глаз, произнёс:

– Я согласен.

Затем вытянул ящик стола, достал из него бланк векселя, но, прежде чем начать писать, что-то коротко сказал помощникам – на том самом, неразборчивом, секретном языке. И первым ринулся выполнять его указание утративший вдруг отрешённость Филипп! Он быстро подошёл к сундуку, крепко взялся за скобу и, повернув лицо к Давиду и Мосию, сказал на древнееврейском:

– Никха на яхад![б - Возьмём-ка вместе!]

Словно запнувшись, замер на месте Мосий. Растеряно посмотрел на отца Давид. И заметно побледнел за своим столом старый ребе Ицхак.

Филипп, как бы подбадривая, пару раз со звоном дёрнул скобу. Ребе кивнул. Давид и Мосий приблизились, ухватили скобы на втором торце сундука. Натужно выдохнув, носильщики подняли сундук и потащили к неприметным дверям в дальней стене кабинета ребе.

Ицхак сидел, сокрушённо качая головой. Наконец, не глядя на безмолвствующего на своём тронце Люпуса, произнёс:

– В большие, наверное, деньги встал учитель древнееврейского? В глаза бы посмотреть бы этому иудею. – И, с усилием приподняв и опустив плечи, добавил:
– Давно я не делал подобных ошибок.

Затем, глухо кашлянув, продолжил:

– Ну, если наша тайна перестала быть тайной, мне выгоднее самому рассказать о подробностях.

Люпус слегка подался вперёд и стал внимательно слушать.

– Мы обрушим суконный рынок, – сказал ребе. – Мы одним разом закупим громадную партию сукна в портовых складах и цейхгаузах. Затем рядом с каждым крупным продавцом сукна в каждом городе мы откроем свои суконные лавки. Молодых родственников и надёжных служек у меня хватит. Да, откроем. И станем продавать сукно по цене более низкой, чем у соседей. Продавцы вынуждены будут так же снизить цену – и мы тут же снизим её ещё больше. Думается, несколько месяцев придётся торговать в полный убыток, покупая сукно в цейхгаузах за пять фунтов за штуку, а продавая за четыре, потом за три, а потом и за два. Вот на это пойдут ваши деньги, а также мои, – сколько сумею собрать.

В это время в кабинет вернулись запыхавшиеся, с покрасневшими лицами носильщики. Филипп скромно занял своё место возле стены. Ицхак же продолжил:

– Когда во всех городах Англии цена на сукно упадёт до жалких пенсов, мы разом скупим его всё – за эти жалкие пенсы. И на складах, и у разорившихся суконных торговцев. И перед осенним сезоном, когда купцам нужно будет закупать тёплую одежду матросам, а военному ведомству – тёплое обмундирование для солдат, мы по всей Англии поднимем цены на сукно гораздо выше обычных. Поторговав зиму – а других торговцев на рынке уже не будет – мы свои затраты вернём, а так же удвоим или утроим. С приятной выгодой для обеих сторон.

– Обрушить суконный рынок, – спокойно проговорил Люпус. – Так-так. Если в финале задуманного предприятия скупить всё сукно в стране, до последней штуки, за сто, скажем, пенсов, и продавать его фунтов за семь или восемь... А в Англии существует запрет на ввоз сукна из Индии и Америки... Тогда вложенная изначально сумма увеличится в... во сколько? – монах обернулся к Филиппу.

– Ребе несколько минут назад сказал Давиду – в пятнадцать раз, – ни секунды не медля, откликнулся казначей, – а может быть, в восемнадцать.

– Но это при исключительно благоприятных обстоятельствах, – грустно заметил Ицхак. – А представьте, сколько мне нужно будет заплатить нескольким сотням своих агентов, арендаторам лавок, продавцам, чиновникам, да и полицейским – ведь разоряемые торговцы будут на моих продавцов нападать. Так что пятьдесят процентов – это весомый доход. Представьте, что ваши четыре сундука с золотом лежат в вашем монастырском подвале, и вдруг через год превращаются в шесть.

– Разве я возражаю? – на секунду разъял руки монах. – С пятьюдесятью процентами я согласен.

Он перебрался быстрым взглядом с Филиппом и добавил:

– И теперь, уважаемый ребе, перед тем, как попрощаться – последняя просьба.

– Я слушаю, – ребе поднял на Люпуса взор умных, внимательных глаз.

– Немедленно, прямо сейчас, пошлите кого-нибудь. Пусть возьмут из сундука на выбор несколько случайных монет и проверят их на качество золота. Здесь, при нас. Обратите внимание, я не обвиняю вас в том, что вы через неделю заявите,

будто всё моё золото испорчено оловом. Я просто хочу исключить саму такую возможность.

Ребе вопросительно поднял брови, развёл руками – и кивнул Мосию. Тот, с раскрасневшимся от тяжёлой работы лицом, быстро прошёл в заднюю дверь. Но вскоре вернулся и, уставив мучительный взгляд в пол, с затаённой злостью сказал:

– Ключ не отпирает сундук.

– Конечно не отпирает, – согласился с ним патер и, обращаясь к Филиппу, спросил: – разве ты не показал секрет?

– Конечно не показал, – спокойно ответил Филипп. – Вы ведь сами учили меня, что я могу это сделать только по вашему личному указанию.

– Ах, да, – виновато покачал головой Люпус. – Моя вина. Был так взволнован, что совершенно забыл. Ребе, прикажите вернуть сундук сюда, Филипп покажет секрет. Там есть клёпка, которую нужно нажать, и одновременно слегка толкнуть скобу, чтобы спрятанный внутри шарик сошёл со своего места. Голландский сундучок, на заказ делали.

Мосий повернулся в сторону ребе и показал ему вспухшие, с красными следами от скоб ладони.

– Нет, – сказал, вздохнув, ребе. – Давид и Мосий измучились, пока спускали. А теперь если поднимать... Пусть уважаемый Филипп сходит, покажет на месте.

Филипп и Мосий ушли, а ребе, помедлив, сказал:

– Когда ваш казначей привезёт оставшееся золото, не разрешите ли вы, чтобы я принял его на работу? Жалование предложу ему – более чем высокое.

– Согласен, – кивнул, стараясь казаться спокойным, монах. – Признаюсь, и мне будет спокойней: золото под присмотром. Эх, эх. Трудно будет жить без надёжного казначея. Кстати, он по крови – наполовину еврей.

– Вот как? – вскинул тёмные, в отличие от бороды, брови, Ицхак.

– Да. Я его спас от мучительной смерти, и вырастил. Теперь он мне предан.

Вернулись Филипп и Мосий. Сутулый хранитель, вернувший себе присутствие духа, проговорил:

– Подтверждаю. Золото качественное. Новые, мало ходившие по рукам монеты.

Спустя полчаса отдохнувшие кони тянули карету обратно, по направлению к монастырю «Девять звёзд».

– Всё, как предполагали? – спросил Люпус Филиппа.

– Да, патер. За кабинетом – спальня. В ней, в стене – скрытая дверь. Каменная лестница вниз, витая. Шестьдесят четыре ступени. Хранилище старинное, кладка из тёсанных крупных камней. Сухое. Дверь железная, без замка и без ручки. С той стороны находится человек, который там живёт, и он её отпирает, когда подадут сигнал.

– Как хорошо, – откинулся на спинку сиденья Люпус. – Весомый будет доход. А скоро вырастут десять девочек, дружка на дружку похожих, светловолосых и голубоглазых. Которых я заботливо пристроил в приличные места на воспитание. Тогда одна из них принесёт в десять, в сто, в тысячу раз больший доход.

И, сообразив, что без причины сказал вслух нечто важное, поспешно умолк. Но Филипп не обратил на его слова никакого внимания, и никак не отозвался на них. Он сидел, глубоко задумавшись. Наконец произнёс:

– Одного не могу понять, патер.

– Так, так, так! – с готовностью бросил на него взгляд довольный старик. – Что ещё задело твоё внимание?

– Если мы сейчас заберём всё, чем владеет ребе, то потеряем ту невероятную прибыль, которую он приобретёт через год. Не разумнее ли будет дождаться,

когда деньги Ицхака увеличатся в пятнадцать раз, и только тогда войти в его хранилище?

Люпус вздохнул. Кашлянул сдавленно. Подвигал бровями.

– Нет, – сказал он после небольшой паузы. – Ицхак не смог бы заработать тех денег, о которых он с таким воодушевлением возмечтал.

– Но почему, патер?

– Да потому, Филипп, что у иудеев есть одно вечное, проклятое слово: «Мало». При виде денег ни не способны остановиться! Любой иудей, например, как только доберётся до власти, позволяющей взимать налог с населения, безудержно разоряет местный народец. Потом доведённые до отчаяния люди приходят и закалывают его вилами. А всех его родственников разделяют топорами. Так было много раз, во всех странах, достаточно вспомнить историю. Иудеи однажды доводят свой гнёт до такого предела, когда государство вынуждено очищать от них всю страну. Кстати, здесь, в Англии, это было сделано в пятнадцатом веке, указом короля Эдуарда.

– Но... как это связано с Ицхаком? Он ведь не собирается грабить всё население, а лишь обрушить суконный рынок. Суконный, а не мясной, не соляной и не хлебный!

– Впрямую связано, мой драгоценный Филипп! Впрямую! Ицхак всю свою мудрость употребил на расчёт – как каждый вложенный в дело фунт увеличить в пятнадцать раз. И не проникает, что рыночные законы, на которых он строит этот расчёт, однажды дезавуируют, уничтожат!

– Но кто и как?

– Тот и так, кто способен и хочет.

– То есть... Король?!

– Да. Король. Государство. Неужели ты думаешь, что военное ведомство станет терпеть убытки? Безропотно перекладывать свои деньги в карман одного

умного лондонского иудея? Нет. Достаточно будет пустяка. Бумажки. А именно – указа, повинуюсь которому по городам Англии пойдут алые мундиры, с свинцом и штыками. И все суконные лавки, на устройство которых Ицхак употребит свои деньги, закроют. Сукно заберут – и бесплатно. А иудеев разгонят. И заметь, все рыночные торговцы, все простолюдины будут плясать на площадях и приветствовать горестные вопли разорённых Ицхаковых родственников. Придут и к Ицхаку и все деньги из хранилища перевезут в королевскую казну. В счёт покрытия убытков, которые никто и не станет подсчитывать. Солдаты заберут всё.

– И наше золото тоже.

– И наше золото тоже.

Филипп помолчал. Потом, покачиваясь в раскатившейся по хорошей дороге карете, задумчиво проговорил:

– Вы самый мудрый человек из всех, кого я встречал, патер.

Люпус в знак признательности прикрыл глаза.

– Ицхак сказал, – продолжил Филипп, – «на это пойдут ваши деньги, а также мои, сколько успею собрать». А соберёт он, безусловно, сумму незаурядную.

– Да, с запасом.

– И взять её нужно в последнюю ночь, перед самым началом Ицхакова дела.

– В его хранилище железная дверь? – припоминая, спросил Люпус. – Без замка, без ключа? Тогда что же, взрывать?

– И камни, и раствор между ними – старинные, прочные. Время не тронуло их. Дверь кована вполне добротна. Конечно, взрывать.

Око вампира

Помещение старой тюрьмы совсем не трудно преобразить. Из камер и коридоров нужно вынести старый хлам. Потолок и стены очистить от копоти и покрыть их белой или слегка подсиненной известью. Привезти новую мебель – желательно тяжёлую, долговечную. В зарешёченные оконные проёмы вставить рамы со стёклами. Проверить и смазать запоры. В итоге получится не тюрьма, а приличный и строгий пансион для благонамеренных девочек.

И, чтобы завершить приятное превращение, в пансион следует привезти достойную во всех отношениях пожилую метрессу.

Донна бригитта

Ранним осенним утром, наполненным невысоким и тихим солнцем, к воротам бывшей тюрьмы приблизился неторопливый эскорт. Кто-то глянул на него из бойницы над воротами. Видно было, что ехали всю ночь, кони устали, всадники выпрямленными руками тяжело упирались в луки сёдел.

Небольшая карета и трое всадников остановились возле высоких, окованных железными плашками створок.

– Кто и зачем? – долетел из бойницы хриловатый, простуженный голос.

«Голос женский, но с показной грубостью. Боятся они кого-то, что ли?» – подумал тот, кто был ближе всех к воротам; и, вскинув голову, зычно крикнул:

– Привезли сиротку на воспитание! Патер Люпус прислал метрессе письмо! И деньги!

Спустя минуту из бойницы на верёвке опустили корзинку. Один из всадников, подъехав, положил в неё кошелёк и бумажный свиток с печатью. Корзинка, подёргиваясь, полезла вверх.

– Ещё немного подождём, – сказал всадник, возвращаясь от ворот к спутникам.

– А сколько это «немного»? – недовольно спросил один из них, тяжело наваливаясь животом на луку седла.

– Ну, сам считай. Сейчас привратница отнесёт письмо к метрессе. Та прочтает, сочтёт деньги. Отдаст распоряжение. Привратница вернётся – и впустит нас. Думаю, через полчаса мы напоим лошадей и отдохнём.

– Через полчаса! Ехали весь день и всю ночь! Я к этому седлу припёкся, как к сковородке...

– Заткнись, приятель, – негромко бросил предводитель эскорта. – Ты что, терпеть не умеешь?

«Приятель» промолчал. Всадник подъехал к карете, заглянул в окно, резко постучал в дверцу.

– Просыпайся! – приказал он. – Приехали.

Карета едва заметно качнулась. Дверца раскрылась, в её проёме показалась маленькая Адония в своём мальчишеском одеянии. Присев, она осторожно опустила одну ногу на ступеньку, потом вторую – и спрыгнула на землю. Верховые, страдальчески кривясь, тоже стали слезать с лошадей. Разминали затёкшие ноги, переговаривались:

– Всю ночь тащились без отдыха.

– Да. К чему бы такая спешка?

– Наверное, за этой девчонкой могла быть погоня. Не зря же в мужское одели. Кто она, кстати, такая?

– Не твоё дело.

– Ну да, конечно. Я просто так, без интереса спросил. Не доноси патеру.

- Ладно, забудем.

Ждать, действительно, пришлось полчаса. Дрогнула и медленно отошла высокая створка ворот. Из-за неё на полтуловища выступила рослая служка в чёрном балахоне, неприветливо взглянула на прибывших.

- Донна Бригитта распорядилась впустить сиротку! - крикнула она деланно грубым голосом.

- А нас? - не без недовольства спросил предводитель эскорта. - Хотя б лошадей напоить!

- Только сиротку! В женский пансион мужчины не входят.

Шёпотом выругавшись, посланник повернулся к Адонии.

- Иди, тебя ждут.

- Я хочу к маме, - сообщила, уставившись на посланника ясными синими глазками, Адония.

- Ну, так иди! Мама там.

Адония поспешно, стуча мальчишескими, с железными пряжками, башмачками, затопала к воротам и неприветливой, в чёрном балахоне, служке. Торопливо вошла в безлюдный, тщательно выметенный двор. За её спиной с грохотом затворились ворота.

- Где мама? - спросила, обернувшись, с радостным томлением в голосе, девочка.

- Вон туда иди, - махнула рукой служка.

Адония посмотрела в сторону, указанную жестом. В рыжей кирпичной стене приземистого длинного здания с узкими зарешёченными окнами - крашеная коричневой краской дверь с округлым верхом. Над дверью - венок из белых и синих цветов. Цветы! Ну конечно же, мама там!

Добежав до двери, Адония попыталась её открыть, но та не поддавалась. Тогда она стала тревожно и часто бить носком туфли в коричневый деревянный планшир. Ей открыла пожилая женщина, тоже в чёрном, с пугающей волосатой бородавкой над бровью. Грубо схватив Адонию за ворот камзольца, она, приподняв, перенесла девочку через порог и, толкнув в сторону раскрытой неподалёку двери, громко крикнула:

- Новенькая!

На звук её голоса торопливо вышли две молодые служки, также в одинаковых чёрных одеждах. Одновременно низко склонились. Одна пробормотала:

- Слушаем, сестра Ксаверия...

- Ты - к госпоже метрессе, - распорядилась Ксаверия, - а ты - отведёшь новенькую в мыльню.

Адонию привели в гулкое, с холодным каменным полом помещение. От двери протянулся ряд осклизлых, тёмного дерева лавок, дальше стояли несколько невысоких бочек, и наконец, у дальней стены, где была ещё одна дверь, высился огромный железный котёл, под которым горел огонь. Стылую, несмотря на огонь, мыльню наполнял запах дыма, дёгтя и сырого застарелого дерева. Над котлом, на деревянной площадке с лестницей и перильцем стояла согнутая, хотя и без явного горба служка и медным, на длинной и толстой ручке, красновато поблёскивающим черпаком доставала из котла дымящуюся горячую воду и сбрасывала её в чан с белым бельём.

- Раздевайся, - приказала Адонии приведшая её в мыльню девушка. - Одежку сложишь вот здесь.

Она указала на мокрую лавку и, сменив на помосте горбунью, принялась лить воду в порожний, меньший по сравнению с бельевым, чан. Разбавив воду до приемлемо тёплой, она обернулась и ободряюще произнесла:

- Что же ты не раздеваешься? С дороги обязательно вымыться надо.

- Где мама? - вместо ответа спросила Адония.

– Ах, вот как, – слышался вдруг от двери холодный, низкого тембра, неласковый голос. – Маму ей захотелось... А что это за мерзость такая?! Ты почему в мужской одежде?! Быстро снимите с неё эту мерзость!

Словно большие чёрные птицы метнулись к Адонии служительницы пансиона, стащили с неё и сбросали на лавку предметы мальчишеского облачения и, схватив за ручки, потащили, почти понесли Адонию к чану.

– Дёготь лить, донна Бригитта? – торопливо спросила одна из служек, закручивая обнажённой по локоть рукой воду в чане.

– Это же надо – вырядиться в мужское! – подходя ближе, гневно выговорила среднего роста, с властным взглядом тёмных глаз, с очень смуглым лицом дама. На голове у неё был высокий, сильно крахмаленный белый колпак. – Маленькая ведьма! – И, глянув на послушницу, приказала: – Лить дёготь. И побольше. – Затем, переведя взгляд на Адонию, брезгливо спросила: – У тебя вши есть?

– Что такое вши? – вздрагивая от прохлады, спросила Адония.

– Вот вам, – на мгновение вознесла руки к закопчённому потолку донна Бригитта, – ещё одна дворяночка. – И громко распорядилась: – Обрейте её. Даже если вшей нет.

– Где мама? – спросила, охватывая себя за плечи, Адония.

– Ещё раз услышу про маму, – вытянула в её сторону смуглый палец метресса, – принесу розгу.

– Что такое розга? – тут же спросила девочка.

В этот миг одна из служек ладонью, как бы невзначай, закрыла неосторожной прищелице рот и поместила её в купальный чан.

– Напрасно стараешься, сестра, – холодно проговорила метресса. – Пусть эта дворяночка сразу покажет весь свой норов. Будем знать, с чем иметь дело.

– Она же такая маленькая, – виновато пробормотала девушка. – Она сама не понимает, что говорит.

– Я понимаю! – заявила набрасывающая на себя тёплую воду Адония.

– Как твоё имя? – зловеще спросила метресса.

– Папа звал меня Адам, – сказала девочка. – Когда он придёт?

– Твой папа никогда не придёт. Он умер, и его закопали в землю.

– А где мама?

– Я предупреждала тебя! – скорбно сложила перед собой ладони метресса и вышла.

– Молчи, деточка! – горячо зашептала девушка. – Потом, когда ляжешь спать, я тебе расскажу, как себя нужно вести, а пока молчи, не зли её! Делай всё, что она велит! Она ведь и в чулан запереть может...

– Что такое чулан?

– Очень плохое место. Там холодно, страшно, и крысы.

– Наша собака однажды поймала крысу! Такую серенькую. Мне её было жалко.

– Хорошо, хорошо. Какие у тебя чудесные волосы. Как будто бы золотые. Вот что действительно жалко...

Через полчаса Адония, с обритой наголо головой, кутаясь в кусок грубого полотна, подошла к лавке – одеться. Но вместо её привычной одежды на сырой плахе лежали белая ночная рубашка и длинное серое платье.

– Я не хочу это надевать, – сказала, вцепившись в банную ткань, Адония. – Где мой камзольчик?

- Ты спрашивала, что такое розга, услышался вдруг знакомый уже голос.

Донна Бригитта быстро приблизилась, вскинула одну руку, чтобы придержать высокий колпак, а второй вскинула гибкий прут - и со свистом опустила его наискосок на мокрую спинку девочки. Адония вздрогнула, зашипела от боли - но не заплакала. Она лишь подняла личико и посмотрела на внезапную повелительницу своей жизни - с безмерным удивлением в маленьких синих глазах.

- Не смей на меня смотреть! - прошипела метресса. - При встрече со мной ты должна смотреть в пол! Под ноги!

- Мама добрая, - вдруг громко произнесла девочка, упрямо глядя вверх, - а ты - злая!

Служка, стоящая рядом, вздрогнула и отвернулась. Донна Бригитта, скривив лицо, взвесила в руке прут. Сказала, пристально глядя на стоящую перед ней трёхлетнюю девочку:

- Ты определённо желаешь, чтобы я стала твоим врагом. Напрасно. Я слишком страшный враг.

И, привычным движением заложив розгу подмышку, повернулась и вышла.

- Быстрее, горе моё! - забормотала, пристанывая, служка и принялась облачать Адонию в серый приютский наряд.

Одев девочку, она повела её по длинному сумрачному коридору.

- Сейчас тебя покормят, - торопливо втолковывала она на ходу, - потом я отведу тебя к остальным воспитанницам, будешь знакомиться. У нас тут много девочек, и есть даже такая же маленькая, как ты. Её зовут Ровена. И, когда вы подружитесь...

Но закончить фразу ей не пришлось. Откуда-то из бокового закоулка выбежала та служительница, что недавно испугала Адонию своей бородавкой, и, присев, быстро спросила:

– У твоей мамы какое было самое любимое платье?

– Ой, белое! – радостно воскликнула девочка. – И с розовыми цветами!

– А какие у неё были волосы?

– Ой, чёрные! Она здесь? Она приехала? Где она?

– Узнаешь, когда покормят, – бросила через плечо служительница, спеша назад, в закоулок.

Адония не замечала больше ничего вокруг – как обставлена столовая, кто готовит пищу, чем её кормят. Она торопливо жевала, так же торопливо глотала. Спустив одну босую ножонку и касаясь пальчиком пола, она неотрывно смотрела на дверь. Наконец, всё предложенное было съедено, но вести к маме её не спешили. А были вокруг какие-то шаги, шуршание, шёпоты.

И вот, пришла, запыхавшись, служительница с бородавкой, и призывно махнула рукой. Адония, скользнув с лавки, со всех ног бросилась к ней.

– Мама приехала?

– Да, приехала. Иди быстро.

Они миновали длинный и гулкий зал и какие-то коридоры, и вдруг после очередного поворота, в алькове, слабо освещённом уличным светом, пробивающимся сквозь узкое зарешёченное окно, Адония увидела стоящую к ней спиной женщину в белом с розовыми цветами платье и с длинными чёрными волосами.

– Мамочка! – пронзительно вскрикнула Адония и побежала к женщине, протягивая к ней свои тонкие ручки.

Женщина обернулась, сделала быстрый шаг навстречу, взмахнула рукой – и бегущую девочку встретил жестокий удар розги.

– Вот тебе мамочка, маленькая ведьма! – с явным облегчением в голосе «пропела» донна Бригитта, и снова взмахнула рукой, и ещё, и ещё.

Адония, крича, упала на пол, заползла в угол и там свернулась в клубок. Розга сломалась. Метресса быстро протянула руку, и служительница торопливо подала ей новую.

Пришла в негодность и вторая розга. Всё, что Адония только что съела, вышло из неё обратно.

– В чулан? – деловито спросила служительница.

Метресса, взглянув на застывшее, позеленевшее лицо девочки, брезгливо сказала:

– Умойте её. И – в общую спальню. В чулане не выживет, а за неё хорошие деньги платят.

Донна Бригитта прошла в свой тёмный, отделанный чёрным лаковым деревом кабинет. Через пять минут туда же торопливо вошла молодая служка.

– Вызывали меня, госпожа? – спросила она, низко кланяясь.

Метресса прошла к небольшому столу-конторке, опустилась в мягкое кресло и рассудительно произнесла:

– Это вполне уместная строгость. Все девочки у нас – или незаконнорождённые, или просто неудобные для своих родителей дети. Нам щедро платят за то, чтобы девочки не вспоминали о том, что у них есть дом, и за то, чтобы они не стремились в этот дом вернуться. Достигнуть этого можно лишь строгостью. Если кто-то из воспитанниц позволит себе смело смотреть на меня или задавать мне вопросы – то мне останется только пойти в пастушки. Ты хочешь, чтобы я пошла в пастушки?

– О нет, что вы, госпожа! – дёрнувшись, как от удара, торопливо произнесла девушка.

– А на самом деле – я добрая. Иди, я разрешаю тебе поставить этой маленькой ведьме примочки.

День Адония провела в забытьи. Только к вечеру она пришла в себя. Ни на шаг не отходившая от неё девушка напоила её чем-то солёным и тёплым, и новая воспитанница пансиона заснула. На короткий миг ей приснился монах, который так по-доброму говорил на той самой поляне, где были люди, были кони, где плакала мама, и где никак не хотел вставать с земли их охотничий пёс. Во сне этот монах стоял возле незнакомой кареты, и рядом стоял ещё кто-то, и монах говорил: «Всё прекрасно».

Зловещий подарок

– Всё прекрасно, – сказал Люпус Филиппу.

Они стояли поодаль от людей, вытаскивающих из кареты привезённые сундуки.

– Чертежи получились отменные. Все комнаты, все кровати, все двери. Даже чердак, – как ты на чердак-то пробрался?

– Вполне открыто, патер. Мосий просил помочь втащить наверх какую-то корзину. Дал увидеть, что замок висит лишь для виду, открывается без ключа.

– У вас что же, демонстрирует доброжелательность?

– Более того. Он обращается со мной, как со старшим родственником.

– Лепит тебе случайненькое несчастье?

– Так забавно. Приговорил меня к смерти за один только злой окрик.

– Да, потешный зверёк.

С тем они и расстались. Люпус влез в карету, и кучер щёлкнул кнутом. Филипп же повернулся и пошёл назад, в дом Ицхака. Он уже подходил к дверям, когда перед ним возник человек. Заслоняя собой проход, мелко и часто кланяясь, человек проговорил:

– Уважаемый Филипп! У меня есть к вам одно интересное предложение!

– Вы не первый, кто в последние дни обращается ко мне с интересным предложением.

– О, это вполне понятно! Но в моём случае всё очень серьёзно. Позвольте, для начала разговора, подарить вам маленькую табакерку.

– И табакерки мне каждый день дарят, и часы, и перстни...

– Но такой табакерки вам никто не подарит. Взгляните!

В ладонь к Филиппу легла действительно редкая вещь. По бокам небольшой, отлитой из красного золота коробочки, шёл замкнутый ряд самоцветных камней – чередующихся зелёных и красных. На продолговатой крышке, в углах, неведомым мастером были впаяны четыре крупных жёлтых камня, в центре же покоился громадный, кроваво-красный рубин. Его окружал овал из искристых, один-в-один, бриллиантов.

– Это семейная реликвия! – горячо зашептал человек. – Стариннейшая вещь. Таких теперь не делают, вы это учтите. Знаете, у этого рубина есть имя! В мире ювелиров он известен как «Око вампира». Правда, похоже? Я вам дарю его. Да-да, это вам.

– Хорошо. Что я должен сделать за это?

– О, всего лишь пустяк! Я знаю, вы – новый казначей Ицхака, его доверенное лицо. Сделайте так, чтобы он взял меня в дело!

– В какое именно дело?

– Он ещё спрашивает! – взмахнул рукой человек. – Об этом знают уж все! Ицхак вернул себе все розданные кредиты, простив даже невыплаченный рост! Ицхак сам берёт крупные займы, страшно сказать, под сто процентов роста! К Ицхаку со всей страны спешат родственники, знакомые родственников и знакомые знакомых – с общей просьбой: взять их денежки в дело. Ни я, ни кто-то другой не знает, что это за дело, но все знают мудрость Ицхака, и все могут прикинуть сумму, которую он собрал и ещё соберёт, и всем понятно – это будет такое дело, какое случается раз в сто лет! И потом все эти сто лет о нём будут вести разговоры за ужином! У меня есть пятьдесят фунтов. Уговорите Ицхака взять их – с условием, что через год я получу назад хотя б девяносто!

– Придёте сегодня вечером. Около шести. Ребе примет вас, – твёрдо сказал Филипп, опуская табакерку в карман.

Он прошёл мимо быстро посторонившегося человека и, подойдя к дому, прежде чем открыть дверь, непроизвольно, нервно ощупал лежавший в кармане подарок.

В прихожей было столько людей, что он вынужден был проталкиваться. Гул голосов даже заглушал то и дело раздававшееся «приветствуем вас, уважаемый Филипп!», а также «а кто это?» Перед дверью, ведущей в кабинет, немного заслоняя дверной проём, находилось кресло, в котором сидел Мосий. Время от времени, подбирая выставленную поперёк двери ногу, он позволял очередному посетителю войти к ребе – вернее, не войти, а протиснуться между креслом и дверным косяком. Но, увидев нового казначея, Мосий поспешно встал и оттащил кресло в сторону. Филипп с тайным удовлетворением подумал, что вопросов «а кто это?» теперь прибавится.

Сдержанно кивнув Мосию, Филипп вошёл в кабинет. Дождавшись, когда очередной посетитель, откланявшись, выйдет, казначей подошёл к столу и выложил перед ребе только что полученную табакерку.

– Этот просит принять пятьдесят фунтов, и рассчитывает получить через год девяносто.

– Но что это?! – с юношеским, искренним удивлением воскликнул вдруг ребе. – Мои ли глаза это видят? Мои ли руки это чувствуют? Филипп! Знаешь ли ты, что этот камень именуется «Око вампира»?

– Да. Человек, подкупивший меня им, придёт в шесть часов. Мне только непонятно, ребе. Камень этот сам по себе – крупная ценность. Не лучше ли было его владельцу, продав табакерку, удвоить, скажем, эти пятьдесят фунтов, и открыть своё дело. Своё и сейчас, а не ожидать предполагаемую прибыль целый год.

– О, нет. Он поступил дважды мудро. Он выждет год. И, когда весь торговый мир станет говорить о нашем деле, он и откроет своё. Тогда у него будет колоссальный, по меркам его какой-нибудь захолустной провинции, потенциал: девяносто фунтов... плюс известность, что он был компаньоном того самого ребе Ицхака! И второе. Этот камень каким-то таинственным образом притягивает кровь. Его крали и похищали неисчислимое количество раз, и всегда, неизменно это сопровождалось пролитием крови. Даже если он бывал подарен по доброй воле, а такое, я слышал, случалось... В общем, это опасный подарок. Я, конечно, соглашусь поддержать его у себя, согласно нашему договору, вместе с остальными сделанными тебе подношениями, но... Лучше вернуть подарок владельцу, и не брать у него эти пятьдесят фунтов.

Однако сделавший этот подарок человек больше у ребе не появился.

Поздний ужин

Глубоким вечером в пятницу в кабинете ребе Ицхака горели полдюжины свечей. К его рабочему столу торцом был приставлен небольшой низкий столик, и на нём был накрыт ужин, и ужинали за ним трое: сам ребе, его сын Давид и, как ни странно, Филипп.

– Завтра – суббота, – говорил ребе, откупоривая небольшую бутылку. – День отдыха и молитвы. В воскресенье – ещё раз просчитываем последовательность действий. А в понедельник – начинаем дело.

– Ничьих денег больше ждать не будем? – спросил Давид.

– Нет, ничьих. К удивлению моему, собрано вдвое больше того, на что я рассчитывал. Это значит, что в понедельник первые гонцы начнут развозить

золото для закупки первых партий сукна. А что ещё это значит?

- Что во вторник поедут новые гонцы? - предположил Давид.

- Не только. Это значит, что сегодня - единственный вечер, когда мы можем хорошо выпить за начинаемое дело.

И ребе вытянул пробку.

- Скажи, Филипп, - произнёс ребе после того, как они выпили. - Ты не хотел бы вернуться из католичества к своей истинной вере? Как я был бы рад, если бы ты стал мне помощником не только на время операции с сукном.

- Да, Филипп! - назидательно подхватил Давид. - Если по крови ты - иудей, то и вера твоя должна быть иудейской!

- Что ж, я охотно, - кивнул, ставя на столик опустевший бокал, казначей. - Но есть одно условие.

- Какое же? - внимательно посмотрел на него ребе.

- С этим должен согласиться настоятель моего монастыря. Я ему жизнью обязан. И эта обязанность для меня многое значит.

- Вдвойне прекрасно, - огладил бороду ребе Ицхак. - И то, что желаешь вернуться в свою веру. И то, что благодарность для тебя - не пустое слово. Я поговорю с вашим патером.

- Это обязательно нужно сделать, Филипп! - воскликнул слегка опьяневший Давид. - И тогда тебя ждёт великая жизнь.

- Может быть, - улыбнулся молодой казначей. - Но пока нас ждёт великое дело.

- Золотые слова, - кивнул ребе, - и вовремя сказаны.

На всём протяжении ужина за столом царило тихое, тёплое, родственное настроение.

Прошла ночь. Утром все мужчины в доме Ицхака собрались в молельной комнате. Все, кроме Филиппа. Он только готовился принять иудейскую веру, а потому в данный момент имел возможность расхаживать по дому. Как бы бесцельно слоняясь, он зашёл в кухню. Перебросился весёлым словом с кухаркой, отпахнул дверцу жарко горящей печи и подложил пару поленьев. Но, отметив, что кухарка занята своим делом, вынул спрятанный на груди плоский, тяжёлый мешочек и бросил в топку ещё и его. Закрыв дверцу – и вышел, чтобы принести дров в запас. Хозяйственный такой, заботливый гость.

Филипп вышел во двор, набрал охапку поленьев и, возвращаясь, кинул короткий взгляд на крышу дома. Дым, поднимавшийся над трубой, имел ярко-оранжевый цвет. Но, когда Филипп, вернувшись, сбросил дрова у печи, дым снова стал таким, каким ему и полагается быть – синевато-белым. Однако этой минуты было достаточно. Два человека, прятаясь в укромных местах вблизи дома Ицхака, и ещё несколько, с подзорными трубами, наблюдающие издали, – все сказали: «ну вот, началось». И все снялись со своих мест – поспешно и скрытно.

День прошёл, и всё было обыденно, тихо, спокойно. Лишь Филипп, посетив вечером кабинет ребе Ицхака, отвечая на его какие-то достаточно праздные вопросы, неотступно тянулся взглядом к столу, где в верхнем ящике, вместе с остальными подарками торговцев-просителей лежала волшебная табакерка с камнем, именуемым ювелирами «Око вампира».

Пламя в ночи

Наблюдатели, видевшие оранжевый дым, по одному пробирались в неприметный, стоящий в конце одной из улиц домишко. Там их встречал окружённый многочисленными бумагами настоятель монастыря «Девять звёзд». Он принимал от каждого короткий доклад, и после необязательного вопроса «все готовы?» – распоряжался: «ночью начнём».

День заканчивался, и ночь приближалась неотвратимо.

Около семи часов вечера, закрыв ворота за последним посетителем ребе, Филипп выпустил из псарни четверолапых ночных сторожей. Он вынес им ведёрко каши, сваренной на мясном бульоне, но, перед тем, как вылить собачью еду в лохань, расторопный и услужливый казначей выскреб из кармана добрую горсть соли и, всыпав в ведёрко, старательно размешал. Вошёл в дом, закрыл дверь и запер её на задвижку. Прошёл в небольшую комнатку, – почти каморку, – под лестницей, где стояли две узкие сиротские койки, и в которой устраивались на ночлег и он сам, и хранитель Ицхаковых капиталов. Мосий, сидя перед зажжённым двусвечником, читал какую-то книгу.

– Мы ведь вместе ужинали, страдальчески морщась, проговорил Филипп. – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, очень хорошо. Для чего ты спросил?

– Что-то у меня живот разболелся.

– Может быть – от усталости? Ты приляг.

– Да, прилягу.

Он лёг на спину, вытянулся, сложил ладони на животе. Закрыв глаза. Мосий немного ещё почитал, зевнул, отложил книгу, поплевав на пальцы, затушил одну из свечей, повозился на своём узком ложе, и через пять минут захрапел.

Прошло несколько часов. Филипп открыл глаза, скосил их в сторону похрапывающего соседа. Свеча догорела почти до основания. Казначей влез двумя пальцами в карман жилетки, вынул часы (крышечка, которая, открывая циферблат, обычно щёлкает, была отломана), посмотрел. Спрятал часы, сел на постели, зажёл новую свечу. Встал, всё так же страдальчески держась за живот, шагнул к выходу из каморки, приоглянулся. Мосий, лёжа на животе, свесив до пола длинную, покрытую тёмной порослью руку, сладко спал. Филипп вышел. На ощупь пробрался в кухню. Набрал ведёрко чистой воды. Вынул из другого кармана жилетки стеклянный флакон, вылил его содержимое в воду. Взял ведёрко и вынес во двор. Казначей тотчас окружили наевшиеся солёной каши собаки. Филипп, оберегая от них ведёрко, поднял плошку и пошёл к псарне. Войдя внутрь, он поставил плошку на землю, вылил в неё воду и, дождавшись, когда собаки начнут жадно лакать, вышел и закрыл дверь. Он знал, что, умирая,

собаки будут скулить, – следовательно, нужно было исключить возможность того, что их могли услышать в доме. Да, закрыл дверь, постоял, глубоко дыша. Взглянул в небо. Ветер гнал тёмные облака, которые время от времени закрывали луну.

Вернувшись в каморку, Филипп снова лёг, сложив руки на «больном» животе.

Нет, определённо он съел в этот вечер что-то недоброе. Через полчаса снова встал, со скорбной гримасой взглянул на безмятежно сопящего Мосия. Посмотрел на часы. Шагнул из каморки. Направился в кухню.

В это время по ночной улице, мимо дома Ицхака медленно двигался крытый воз – длинный, громоздкий. Когда начался высокий и плотный забор, из боковой дверцы бесшумно выпрыгнул одетый во всё чёрное человек и быстро скатился в канаву. Через три ярда выпрыгнул ещё один, и ещё через три – следующий...

Филипп взял в кухне бутылку с маслом, надёргал из межбрёвных швов пакли, отворил входную дверь и вышел во двор. Он подошёл к поленнице, открыл бутылку и стал лить масло на сложенные клетью поленья. В эту минуту на один миг забор стал похож на край котла, над которым вскипела, поднялась и тут же опала тёмная пена. Полтора или больше десятка людей, в чёрных одеждах, без обуви, в нитяных плотных чулках, бесшумно, как тени, стремительно пересекли двор и один за другим влетели в распахнутую входную дверь.

Филипп, вылив масло, вернулся в дом. Отнёс в кухню бутылку, набрал из бочки два ведра воды, поставил у входа. Неторопливо проделал обратный путь: вышел во двор, дошагал до сложенных дров. Присел, достал паклю, всунул её внизу между облитыми маслом поленьями, достал кремень с огнивом и высек огонь. Торопливо дошёл до двери, оглянулся. Огонь шуршащим рыжим ковром охватил угол поленницы. Тогда, не таясь, громко топая, Филипп побежал по лестнице, на второй этаж, к спальням, громко крича:

– Ребе, пожар! Мы горим! Пожар, ребе!

(Люди в чёрном, затаившиеся в укромных уголках возле каждой двери, обнажили длинные, наточенные до бритвенной остроты стилеты.)

Люди, спящие в доме, разбуженные этим криком и этим страшным известием, вскакивали, набрасывали что-то на себя, зажигали свечи или не зажигали, – но все, единодушно и быстро делали главное: бросали взгляд на отблески огня в окнах, отпирали двери и спешили выбежать в коридор. Филипп, постучав в дверь Ицхака и услышав, что тот откликнулся, скатился по лестнице вниз, забежал на кухню, схватил два ведра с водой и крикнул подпрыгивающему на одной ноге, натягивающему сапог Мосию:

– Во дворе горит! Бери воду! – И, передав одно ведро, помчался к «пожару».

Мосий догнал его. Вместе они обрушили угол поленницы и залили водой.

– Нужно срочно сказать ребе! – бросил Филипп, устремляясь в дом.

Мосий поспешил за ним, думая, что не только нужно сказать ребе, но и захватить оружие и обойти весь двор. Филипп уже побывал в их камерке и выходил из неё с огарком свечи, – как вдруг кто-то, ступив от стены, ударил его дубинкой. Мосий, глядя на падающего казначея, не успел вскрикнуть, как получил тяжкий удар и упал сам. Его тотчас связали, натянули на голову плотный мешок и выволокли из дома. Филиппу помогли подняться, спросили: «не сильно?», – и он пренебрежительно махнул рукой.

После того, как «пожар» был потушен, понемногу стал гаснуть и свет в окнах – там, где его успели зажечь. Затем внутри дома слышался негромкий, дружный стук молотков: ночные пришельцы, сняв с постелей плотные одеяла, затягивали ими оконные проёмы. После этого свет зажгли во всех комнатах, но снаружи окна оставались непроницаемо чёрными.

Филипп больше не выходил во двор, а вышел один из «разутых». Он убрал засов и приоткрыл створку ворот. Из канавы поднялся и, пригнувшись, проскользнул в проём человек. Он нёс, прижав к животу, невеликий бочонок. Спустя несколько минут этот бочонок был уже в спальне ребе Ицхака, и Филипп, взяв его подмышку, на ходу проверяя фитиль, понёс по каменным ступеням вниз, в подвал.

Земля едва ощутимо дрогнула. Дом сотряс короткий удар. Прикрывая лица влажными кусками материи, сквозь клубящийся синий пороховой дым, вниз, к хранилищу заторопились четверо в чёрном. Спустя какое-то время они

вытащили наверх знакомый уже длинный плоский сундук, и тотчас вниз направились следующие четверо.

Прошло чуть более часа. Все деньги, находившиеся в хранилище, были перенесены к входной двери.

Филипп привёл десяток человек в кабинет ребе и, указывая пальцем, коротко распорядился:

– Это, это, это и это.

Бесшумно ступающие люди взяли мебель – дорогие предметы, – и потащили туда же, к выходу. А молодой казначей, подойдя к телу лежащего на полу ребе, вынул из его кармана связку ключей, подошёл к столу, отпер верхний ящик, достал из него «Око вампира», спрятал в карман, запер ящик, и положил в карман и ключи. Вернувшись безмолвным работникам он указал на сам стол, и ещё на несколько предметов, по мелочи, – подсвечники, старинные, с золотым тиснением книги, каминные часы, тронек.

Завершив опустошение кабинета, мародёры спокойно и методично стали обходить помещение за помещением, равнодушно перешагивая через мёртвые тела. Более или менее ценные ткани, одежду сваливали в кучи и увязывали в узлы. Запертые сундуки не взламывали, а просто перемещали туда же, где вдоль одной из стен высились горы награбленного: ко входной двери.

Наконец, все столпились вокруг Филиппа. Он вынул свои, с отломанной крышкой, часы, посмотрел на сложившиеся в острый угол стрелки.

– Ещё тридцать минут, – сказал он. – В кабинете, и внизу, в хранилище, есть тайники. Кто найдёт – будет произведён в капитаны.

Молчаливые люди, в руках которых объявились топоры и небольшие ломы, мягко запрыгали по ступеням.

Через двадцать минут к Филиппу подошли двое. Тяжко дыша, они притащили взломанный металлический ящик с золотой чеканной посудой.

– Что, там действительно был тайник? – озадаченно поинтересовался Филипп.

Разбойники одновременно кивнули:

– Да. В стене хранилища. Пятно штукатурки было немного светлее. Взломали...

– Ну, хорошо. Слово есть слово. Вы хотите создать две самостоятельные команды, или предпочтёте работать в одной?

– Он будет капитаном, – кивнул на товарищи один из счастливцев, – а я буду с ним. Одна команда.

– Прекрасно. Завтра патер Люпус распорядится.

Но раздача чинов на этом не завершилась. Почти тотчас же пришёл ещё один грабитель, и предъявил два предмета: невзломанную, изрядного веса шкатулку и гнутый, средней длины, сероватого цвета клинок.

– Ещё тайник? – удивился Филипп. – Где же?

– В кабинете. Стол унесли, а в середине пятна, натёртого его ножкой, шляпка гвоздя. Блестела, а все остальные были темней. Я нажал – половица поднялась.

Филипп взял в руки клинок.

– Надо же, бритвенная заточка. Какой-то паук отчеканен. Ладно, капитан. Неси в общую кучу.

В это время на улице послышался шум приближающегося экипажа. Тот, кто стоял у ворот, широко распахнул их и, в ночной темноте, хлестнув коней, не задев ни столба, возница вкатил во двор крытый воз, – и вслед за ним во двор въехал ещё один, а немного спустя – так же третий. С ним въехала пара всадников.

Два окна на втором этаже засветились. (По указанию Филиппа сняли два одеяла.) Если бы по соседству оказался кто-то страдающий бессонницей, он ничего бы не заподозрил: в последнее время в дом Ицхака экипажи и люди

прибывают непрерывным потоком.

Погрузка заняла час с небольшим. Последним подняли и уложили связанного Мосия.

– Переправить его в Голландию, – сказал кому-то Филипп. – Или ещё куда – подальше лишь бы от Англии. Набить золотом карманы, – набить не скупясь, полновесно, – и отпустить. На первые несколько дней приставить к нему пару ищеек: интересно, что будет делать. Вернувшись, доложить не мне, а патеру. Лично.

Три экипажа миновали ворота и неторопливо покатали по тёмной дороге. Свет в окнах погас.

Во дворе остались стоять только две лошади. Их владельцы, дождавшись очередного затемнения Луны, сходили на псарню и перенесли в дом туши собак. Затем также внесли туда все разбросанные и обугленные поленья. Затем стали ждать.

Прошёл час. Один из оставшихся вышел, сел в седло, а вторую лошадь вывел в поводу. Второй изнутри закрыл ворота, перелез через верх, сел на свою лошадь и оба дали шпоры. В ту же минуту в двух окнах мелькнул рыжий отблеск. Все, совершенно все окна оказались раскрытыми, и сквозной ветер быстро вздул пламя. Когда по окрестным дворам раскатились отчаянные, тревожные крики, весь дом, скрывая и крышу, объял гулкий огненный вихрь.

Глава 3

Восковой ангел

Раз в год Люпус посещал один из приютов или семей, в которые когда-то пристроил десятерых, с одинаковой внешностью, девочек-сирот.

В этот раз он ехал в пансион донны Бригитты. С удобством расположившись в карете, патер читал присланную из пансиона аттестацию своей питомицы: «латынь – идеально; закон церкви – идеально; рукоделие – идеально; послушание – удручающе»...Отложив лист в сторону, он, закрыв глаза, прошептал:

– Кажется, я нашёл...Эта Адония – награда за все мои труды...

Люпус и не подозревал, что два года назад, в зимнюю рождественскую ночь, он мог лишиться такой важной для него воспитанницы.

Серафим

Метресса не могла допустить, чтобы служки видели, как она, всесильная донна Бригитта, выбрала себе врагом маленькую беззащитную девочку. Но гордое сердце её ни на минуту не могло забыть, как эта упрямая дворяночка выкрикнула ей прямо в лицо: «– ты злая!..» Наказать дворяночку следует как можно жёстче. Пока она маленькая, её можно привести к бессловесному послушанию. Но как сделать, чтобы это выглядело справедливо в глазах тех же служек? Змея синеглазая прекрасно отвечает уроки. Ехидна рыжеволосая со всеми улыбчива и добра. Жаба упрямая исполнительна и аккуратна. Но ведь когда-нибудь она должна сделать что-то такое, за что её можно будет наказать?

Злопамятность помогает ненависти быть терпеливой. Донна Бригитта ждала целых два года.

Готовились отмечать рождество. За окнами было ветрено, снежно, а здесь, в обеденной зале, жарко натоплены обе печи; суетно, весело, пахнет хвоей. Воспитанницы по очереди допускались к стоящему на столе ларцу, доставали из него какое-либо украшение и спешили к высокой ёлке – повесить это украшение на одну из колких, благоухающих, зелёных ветвей.

Адония уже украсила праздничную ель тонким медным диском снежинки и бумажным раскрашенным домиком. И сейчас, когда снова подошла её очередь, она вынула из ларца ангела. На восковом лице его были выписаны большие

синие очи, алым штрихом обозначены улыбающиеся уста. Золотые волосы; на спине – пара золотых длинных крыл.

– О, это самая красивая игрушка в ларце! – радостно сказал кто-то рядом. – Это – серафим!

Адония подняла лицо. Ну конечно, Александрина, добрая ко всем воспитанницам служка.

– Кто такой серафим? – замирая от восторга, спросила Адония.

– Это такой ангел, который спасает и охраняет!

Но им не дали побеседовать об этом удивительном ангеле. Послышался громкий окрик метрессы: «Не задерживай остальных!», – и девочка, не отводя взгляда от лежавшего в её ладонях златокрылого серафима, торопливо пошла в сторону ёлки. И натолкнулась на приготовляемый к праздничной трапезе стол. Стоявший на самом краю кувшин с молоком покачнулся – и грохнулся об пол. До самой ёлки выплеснулась большая белая лужа. Все испуганно замерли.

– Ну что же, – ледяным голосом произнесла донна Бригитта. – Никто не станет за тебя исправлять содеянное тобой. Отправляйся на ферму и принеси молоко.

– Я пойду с ней! – поспешно вызвалась Александрина.

– Нет. Сама сделала – сама пусть исправит.

– Но там же ветер и снег! А до фермы – почти две мили!

– Сестра Александрина. Оденьте её и отправьте. И, если она до темноты не вернётся – приготовьте для неё розги.

Адония, взглянув на Александрину, прошептала:

– Я же должна читать стихотворение на латыни!

– Сегодня, кажется, не придётся, – так же шёпотом ответила ей девушка.

Кто-то вынул из рук Адонии ангела и унёс к ёлке. Саму же её, подталкивая в плечи, повели облачаться в тёплую одежду. Укутав и повязав большой толстый платок, девочку просто вывели за дверь, и дверь затворили.

Порыв ветра бросил Адонии в лицо пригоршню колкого снега. Из глаз её выкатились две слезинки. Вытереть их она не могла – обеими руками прижимала к животу большой, с глиняной крышкой, молочный кувшин. Адония понимала, что скоро стемнеет, и надо спешить – летом она однажды ходила со служками на ферму, и тогда дорога показалась ей очень длинной, но это было летом, а сейчас – ветер и снег...

И всё-таки она не спешила. Хрустя снегом, Адония обогнула главное здание пансиона и, приблизившись к окну, стала смотреть на ель, надеясь увидеть на одной из ветвей золочёного ангела. Нет, не видно...

Вдруг послышались чьи-то торопливые шаги. – Как хорошо, что ты ещё не ушла! – быстро произнесла Александрина. Она была в тонком чёрном платье и тонком платке. Выбежала, не набросив никакой тёплой одежды. – Вот, возьми-ка! – прошептала она и, достав из кармана улыбающегося серафима, спрятала его у Адонии на груди. перевязала на ней платок, подтолкнула в сторону ворот. – Если устанешь – оставайся на ферме! Пусть даже розги, но в темноту не ходи! Адония дошла до ворот, сообщила хмурой привратнице – Донна Бригитта послала меня на ферму. Та равнодушно открыла ворота, выпустила девочку и с грохотом ворота закрыла. Широкая тропинка вела от ворот до самой фермы – сёстры ходили туда каждый день. Пошла, прижимая кувшин к груди, и Адония. Если бы не этот кувшин, она дошла бы до фермы ещё засветло! Но он оказался таким тяжёлым. Так часто пришлось останавливаться и отдыхать... Было уже совсем темно, когда девочка различила перед собой чёрное массивное строение. Нигде не слышалось человеческого голоса. Ни одно окно не светилось. С трудом Адония отыскала дверь. Долго дёргала за ручку, прежде чем дверь поддалась. Вошла внутрь. Тепло. Запах навоза. И – полная темнота. Дышит кто-то! Убежать? Но так нужно хоть немного согреться. Вот тут что-то твёрдое – можно присесть... Она даже слегка задремала. Вдруг там, в темноте кто-то затопал – так громко, так близко! Вскрикнув, Адония бросилась к слабо светящемуся проёму приотворённой двери. Она выбежала из коровника и увидела, что на дворе – ночь. Белая равнина залита слабым, лунным, голубоватым светом. Сзади снова затопали! Скорее, скорее домой. Задыхаясь, забыв про брошенный в

тёмном помещении кувшин, Адония бежала к пансиону. Устала, пошла медленно. Под ногами громко поскрипывал снег. Казалось, она никогда не доберётся до знакомых ворот. Шла бесконечно долго. Но вот, наконец, и они! Адония постучала. За воротами – тишина. Привратница сладко спала в караульной – стоящем недалеко от ворот небольшом доме. Адония, устав стучать, присела, привалясь спиной к деревянной створке. Холодно было так, что выступали слёзы. Поостанывая от боли в замёрзших ногах, она слабо звала: «Александрина! Александрина...» Потом её окружила высоко поднявшаяся зелёная трава. Над головой плавилось огромное горячее солнце. Пришёл какой-то кот со свиным пятаком вместо носа, стал жечь пылающим факелом её ноги. Адония хотела закричать, но не смогла. В этот миг вдруг блеснули перед глазами сверкающие золотом крылья. В руке серафима струился огненный меч. Оживший ангел взмахнул им, и кот, дико взыв, обратился в клуб чадного дыма. В следующий миг и клуб, и ангел пропали. Адония сладко вздрогнула: «как тепло!» Над ней послышались голоса. – Несите быстро ведро горячей воды! Кажется, привратница. – Зачем воды? (это голос Ксаверии). Нужно отнести её... – Да она обмочилась ночью! И примёрзла! – Вот гадина. Когда Адония пришла в себя, она лежала в своей кроватке, укрытая несколькими одеялами. Над ней склонилось чье-то лицо. Она слабо прошептала – Александриночка... Прижав палец к губам, Александрина оглянулась, достала фигурку золотокрылого ангела и, отпахнув край одеял, положила её рядом с Адонией. Руки девочки коснулись бумажные, наклеенные на воск одежды серафима. – Всё хорошо! – проговорила Александрина, поправляя на девочке одеяла. – Теперь будет всё хорошо! Когда Адонии разрешили вставать, первое, что она сделала – спрятала своего ангела в пустой заброшенной комнатке. Потом в эту комнатку снесли какой-то хлам и двери заколотили.

Фиона

Метресса после этого случая приказала себе быть осторожной. На содержание этой дворянки дают хорошие деньги. Кто их стал бы платить, если бы с ней что-то случилось? Время от времени, когда маленькая воспитанница показывала характер, ей доставались розги, но боль питомица Люпуса научилась терпеть. Затаённую ненависть донны Бригитты к ней, стропливой малявке, девочка приняла как неизбежную сторону жизни и не очень-то обращала на неё внимание. В размеренной повседневности было нечто иное, что всецело, по настоящему занимало её: принимаемые в пансион новые воспитанницы. Они

приносили с собой то, что было для маленькой сироты очень ценным: знание большого мира. Того самого мира, который у неё отняли, когда заперли здесь, в помещении бывшей тюрьмы. Мира, что жил где-то там, за стенами, и ждал её, и пугал, и притягивал. Адония окружала вновь прибывших воспитанниц заботой и участием, посвящала в объявленные и тайные законы местного бытия, предостерегала от опрометчивых поступков, – а взамен с необъяснимым трепетом ждала рассказов о загадочном мире, что жил своей жизнью по ту сторону стен. Её до дрожи волновало то, что называлось коротким словом «город», – отчего там много людей? Отчего много карет? Какие там торговые лавки? Что в них продают? Какие бывают деньги? Правда ли, что люди умеют построить дом, который может переплыть море? Какое интересное у него имя: «корабль»? Действительно ли девочки и женщины носят не одинаково серые платья, а самые разнообразные и цветные?

Новую воспитанницу, темноглазую Фиону, к метрессе Бригитте привезли за день до появления в пансионе патера Люпуса.

Так же, как и пять лет назад, распахнув дверь с округлым верхом, сестра Ксаверия прокричала:

– Новенькая!

И тотчас в коридор выбежали две служки, и с ними – взволнованная Адония.

– Доброе утро, моя прелесть! – звонко выкрикнула она, порывисто обнимая покрасневшую, смущённую девочку лет десяти-одиннадцати. – Я – Адония, а тебя как зовут?

Служка с бородавкой над бровью раздражённо отпихнула её, но Адония, не обратив на это никакого внимания, изогнулась, как змейка, шмыгнула – и снова приблизилась к незнакомке. Приблизилась, схватила за руку, уставила в покрасневшее личико ждущий ответа взгляд.

– Фиона, – едва слышно проговорила девочка.

– Тут вот как, Фиона, – заторопилась Адония. – Вот это – сестра Александрина, она добрая и с ней можно поговорить. Вот это – сестра Ксаверия, она всегда злая и никого не любит...

Сестра Ксаверия в ответ на это, размахнувшись, продемонстрировала готовность отвесить Адонии подзатыльник, но на действие не решилась, а лишь прошипела: – Жди розги сегодня! – на что Адония, увлекая за собой Фиону, лишь досадливо обронила: – Вот, убедилась?

Александрина, оставив новенькую на попечение Адонии, отправилась приготовить мыльню. Вторая послушница, подхватив сундучок, с которым прибыла Фиона, куда-то его унесла. Ксаверия, бормоча ругательства, заковыляла к донне Бригитте – жаловаться.

Адония, приведя новообретённую подружку в большую общую спальню, усадила её на свою постель и деловито спросила:

– Ну, как доехала?

Фиона, с едва заметным кивком ответила:

– Хорошо, – и, в свою очередь спросила: – Здесь волосы всем отрезают?

– Нет, не всем, – сказала Адония, проводя ладошкой по своей коротко остриженной голове. – Считается, кто из девочек хорошо запоминает науки и прилично себя ведёт – те могут иметь длинные волосы. Остальные – нет. Но это враки. На самом деле длинные волосы у тех, кто угождает донне Бригитте. А если ты ей не понравилась – будь хоть самой лучшей – раз в три недели тебя будут стричь.

– Мне будет жалко мои волосы, – прошептала Фиона, выпуская из-под чепца густые и длинные, до пояса, чёрные пряди.

Глаза её наполнились слезами.

– Тогда вот как, – торопливо заговорила Адония. – Обязательно говори донне Бригитте «госпожа». «Да, госпожа; нет, госпожа». Она это обожает. Никогда не смотри на неё и никогда ни о чём не спрашивай. Лучше у меня спроси или у сестры Александрины. И всё будет хорошо!

Пролетели десять минут. Когда Александрина, разыскивая новую воспитанницу, заглянула в спальню, Фиона, часто моргая, растерянно смотрела на Адонию, а та, встав перед ней и уперев ручки в бока, гневно выговаривала:

- И ты не сказала?! У тебя в сундуке столько сладкого - и ты не сказала! Да ты знаешь, что за сладкое можно кое у кого здесь выменять даже зеркальце! Или даже круглое цветное стекло!

Она, оглянувшись, увидела Александрину и, бросившись к ней, что-то быстро сказала. Девушка, неуверенно улыбнувшись, кивнула.

- Да! - проговорила ей, уже уходящей, вслед, Адония. - И Бородавочница сейчас у Бригитты, и сундучок у Фионы не заперт!

Вернувшись к подруге, она таинственно сообщила:

- Теперь ещё пять минут подождать - и будет всё хорошо!

Но это хорошее, по её обещанию воплотившись, принесло с собой много плохого.

Алая лента

Вошла, часто дыша, покрасневшая Александрина. В руках у неё белели какие-то свёртки. Адония, вскочив, быстро и радостно разложила их на кровати.

- Поскорее, - попросила их Александрина, - мыльня уже готова, да и урок сейчас закончится и все воспитанницы вернутся!

- Все на уроке? - удивлённо поинтересовалась Фиона. - А ты что же?

- Я латынь знаю так же хорошо, как и сестра Люция, - махнула рукой Адония. - Она меня отправляет гулять, потому что я её иногда поправляю. Ты иди, тебя сейчас помоют, переоденут и поведут к донне Бригитте, а я пока твои сладости спрячу.

Через два часа Фиона, в платье из серой, напоминающей мешковину ткани, сияющим, ясным лицом вошла в спальную залу. Метресса не распорядилась остричь её длинные волосы. Девочка была счастлива.

Спальная зала тихо гудела от многочисленных, но приглушённых до полушёпота голосов: в пансионе громко разговаривать не позволялось. Адония стремительно пронеслась сквозь расступающиеся перед ней стайки серых воспитанниц, схватила свою новую подружку за руку и, нарушая строгое правило, громко сказала:

– Девочки! Это Фиона.

Она привела новенькую к своей постели и усадила. Воспитанницы потянулись было знакомиться, но Адония их остановила. Она пригласила подойти всего лишь двоих, и остальные, что-то сразу поняв, приближаться не стали.

Какое-то время маленькая компания перешёптывалась, потом Фионе были продемонстрированы два сокровища. Первым оказалась овальная шкатулочка – тоненькая, слишком плоская для шкатулки. Под её откидывающейся на металлической петле крышкой поблёскивало настоящее стеклянное зеркальце. Вторым было медное, размером с ладонь, кольцо, в котором, разделённые на три лепестка сверкающими перегородками из амальгамы, находились три цветных стёклышка. Если поднести к глазу и посмотреть сквозь красное, то весь мир представал как бы объятый пожаром. Сквозь второе, зелёное, всё вокруг виделось лесным, травянистым, весенним. Ну а жёлтое стёклышко заливало и стены, и лица, и платья золотым солнечным светом.

– Могу отдать зеркальце вот за это, это и это, – взволнованно проговорила владелица чудесной шкатулки, указывая на разложенные перед ними свёртки (теперь уже развёрнутые) с принадлежащими Фионе сладостями.

– А я могу отдать цветной круг тоже за всё это и ещё вон за то.

Фиона растерянно посмотрела на Адонию. Что же ей выбрать? Адония сидела, отрешённо, покусывая губы, молчала. Потом, вздохнув, порывисто встала и метнулась в другой конец спальной залы. Там она под села к кому-то, о чём-то шёпотом заговорила. Но один раз повысила голос:

– Ореста! – прикрикнула она. – Не твоих ушей это дело! Топай отсюда!

– Очень надо! – торопливо отходя, ворчливо отозвалась Ореста, – ширококостная, с конопатым лицом крепышка лет тринадцати (между собой девочки её звали «крестьянкой»).

О чём-то договорившись, Адония, сияя улыбкой, прибежала к компании, сложила все сладости в кучу и унесла назад, в дальний угол залы. Вернувшись, она, извиняясь, чмокнула в щёчки владелиц сокровищ и объявила:

– Всё. Сладкого больше нет. Всё обменено.

Девочки, пожав плечами, ушли, а Фиона растерянно спросила:

– На что обменено?

В ответ на её вопрос Адония, насторожённо оглянувшись, вынула из кармашка и вложила в ладони подруги вспыхнувшую алым ленту для волос – широкую, длинную.

– Ой, какое чудо! – прошептала Фиона. – Спасибо. Как раз к моим волосам. У меня в сундуке лежит лента, только синяя...

– Забудь про то, что было у тебя в сундуке, – грубовато сказала Адония. – Бригитта забирает всё, у всех и всегда. Ничего своего ты больше никогда не увидишь.

– Но почему... – начал было Фиона, но договорить не успела.

– Итак! – послышался громкий голос одной из служек. – Перед обедом у вас ещё один урок. Все – в учебную залу!

– Догоняй! – вскакивая, сказала Фионе Адония, выхватывая из рук и запихивая ей в карман ленту. – Я займу тебе местечко за третьим столом. Пошепчемся!

Воспитанницы серыми безликими стайками входили в залу и устраивались за тремя длинными, от стены до стены, столами. Адония, заняв два места за

дальним, нетерпеливо привставала, высматривая подружку. Фиона вошла последней – и в сером помещении вдруг вспыхнул яркий солнечный луч. Волосы новенькой были собраны и подвязаны алой шёлковой лентой.

– Что это такое? – вдруг взвизгнула послушница, вытягивая дрожащий палец.

– Это лента, госпожа! – испуганно проговорила Фиона.

– Сестра Ксаверия! – завопила послушница, надрывая связки. – Сестра Ксаверия!

Громко топая, принеслась обладательница бородавки. Лицо её заранее было грозным но, когда Ксаверия увидела алый бант, оно стало просто багровым от злости.

– Ах ты, несчастная! – прошипела служка-смотрительница и, резко дёргая, под треск рвущихся волос, содрала ленту.

– Она новенькая, – робко пискнул кто-то из воспитанниц, – она не знала...

– Только поэтому, – тяжело дыша, проговорила Ксаверия, – я не доложу донне Бригитте. Быстро за стол!

Глотая слёзы, Фиона прошла и села рядом с Адонией. Та, крепко обняв её, целовала, гладила по рассыпавшимся волосам и горестно, жарко шептала:

– Ну что же ты?! Это же надо прятать, прятать, прятать!!

– Я... не... зна... ла... – давясь рыданиями, вытолкнула из себя Фиона.

– Дурочка ты моя! Да все же знают! Даже самые маленькие малышки!

– Я... ду... мала...

– Тихо там! – прикрикнула послушница. – Там, за третьим столом! Плакать тише!

Вдруг впереди, приподнявшись, неуклюже поклонилась одна из воспитанниц и спросила:

– Матушка, можно я для новенькой воды принесу? Она и утихнет.

Послушница молча кивнула. Воспитанница вышла из залы.

– Крестьянка стала вдруг добренькой, – прошептала Адония. – С чего бы это?

После урока и выяснилось – с чего.

С грустным лицом, сложив ручки, подошла к Адонии та, у кого выменяли ленту, и скорбно проговорила:

– Пастила вся пропала.

– Как это пропала?

– Исчезла.

– Где была?

– Под матрасом. Всё остальное лежит, а пастилы нет.

– Та-ак, – зловеще протянула Адония. – Если бы нашла Ксаверия, то забрала бы всё. А исчезла только одна пастила. Девочки! Ты, ты и ты. Ну-ка, идите со мной.

Сопровождаемая небольшой свитой, Адония подошла к Оресте, взяв за подбородок, подняла лицо, взглянула.

– Чего надо? – недружелюбно пробормотала Ореста.

– Пастила пропала. Сама отдашь? Тебя с урока одну отпускали.

– И не брала, и не видела. Обыщи, если хочешь.

– А ну-ка, ложись на кровать! – толкнула Оресту Адония.

– Зачем это?

– Сама ляжешь? – угрожающе спросила Адония.

Ореста, на полголовы выше и вдвое тяжелее противницы, послушно села, а потом прилегла на своей постели. Адония, склонившись к её лицу, быстро и хищно, как зверёк, обнюхала его.

– Пахнет! – убеждённо заявила она, выпрямляясь. – Пастилу-то сожрала, а запах-то – вот!

После этого, деловито склоняясь, Оресту обнюхали все представители свиты. Согласно покивали головами: «да, пахнет».

– Вдвое будешь должна, – твёрдо заявила Адония. – Или возместишь, или отслужишь. Понятно? Иначе спокойно жить здесь больше тебе не придётся.

Разбой

Ночью две подружки лежали рядом. Фионе уступили соседнюю кровать – отчасти из сочувствия, отчасти повинувшись просьбе-приказу Адонии. Фиона тихо плакала.

– Да, – шептала ей, придвинувшись к самому краю кровати, Адония. – Если б знать, что так выйдет – лучше бы самим съесть.

– Что же, – всхлипывая, спросила Фиона, – здесь не бывает ничего сладкого?

– Нет. Никогда.

– И ленту мне уже не вернут?

– Лежи тихо, – прошептала Адония. – Сестра Люция, кажется, опять уйдёт к себе. Да, уходит.

– Куда к себе?

– В свою комнату, конечно. У сестёр у каждой своя комнатка. Кровати у них с занавесками, и половички на полу. И шкафчик есть, и комодик, и столик.

– Ты что же, была?

– Нет, конечно. Из коридора видела. Нас иногда посылают в их коридор какую-нибудь сестру позвать, мы и зовём – из коридора. А двери в их комнатах настежь раскрыты, даже ночью: Бригитта распорядилась. Ты слушай. Сёстры по очереди спят вместе с нами. Вон там, у двери, для них место. Но Люция иногда дождётся, когда мы уснём, и уходит к себе. Я видела. Рано утром возвращается – как будто всю ночь здесь спала. Вот и сегодня ушла, и, кажется, всё будет прекрасно.

– Что будет прекрасно?

– Да всё, подружка. Я в твоей беде виновата, я её и исправлю. Ты спи.

Прошёл час. Фиона в полудрёме видела, как Адония вдруг неслышно встала, натянула и подвязала чулки, надела своё серое платье и, неслышно ступая, прошла между кроватями к выходу.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Фиона почувствовала, что её тормозят.

– Тсс! – прижала палец к губам Адония. – Вот твоя лента!

– Откуда? – торопливо протирая кулачком глаза, изумилась Фиона.

– Из кельи Ксаверии, откуда ж ещё.

– Ты была там?! Ночью?!

– Ну, была. Не велико дело.

– Темно! Страшно!

– В коридорах горят фонари. В комнатах светят лампадки. Ксаверия храпит так, что никаких шагов и не слышно.

– Как же ты ленту нашла?

– Она и не прятала. Сделала себе из неё закладку для книги. На столе была книга и какие-то письма. Я их все перепутала, книгу закрыла, а чернила из чернильницы вылила ей в башмак.

– Ой, что будет?

– Да ничего. Глупая она, что ли, чтобы кому-то рассказывать?

Однако умом Ксаверия не отличалась.

Утром всех воспитанниц заперли в спальней зале. Не выпустили даже умыться. Притихший пансион был наполнен предощущеньем беды.

Послышались резкие шаги. Дверь распахнулась. Донна Бригитта, в белом накрахмаленном колпаке, вошла, почти вбежала, грозно сверкая глазами.

– Событие ужасное, – срывающимся голосом заговорила она, – говорить о котором отказывается язык, ужасное, мерзкое, больше даже – за пределом мерзкого, произошло в моём благопристойнейшем пансионе. Ночью кто-то проник в келью к сестре Ксаверии и похитил находившийся в ней ценный предмет. Кроме того, этот кто-то самым зверским образом напал на сестру Ксаверию! Сестра, покажите.

Бледная от негодования Ксаверия, выступив вперёд, сняла башмак и предъявила на всеобщее обозрение ногу в фиолетово-чёрном от чернил чулке. Над головами воспитанниц прошелестел быстрый вздох.

– Мне нужно знать, – закончила донна Бригитта, – кто этой ночью выходил и побывал в келье сестры Ксаверии. Я буду вызывать вас по одной в свой кабинет. Если кто-то видел того, кто учинил этот разбой, то должен мне рассказать. Не заставляйте меня начинать зверствовать.

И она, нервно шагая, удалилась.

Когда очередь дошла до Фионы, она шагнула в кабинет метресса едва дыша.

– Итак, новенькая, – проговорила метресса, – мне нужно знать только одно: кто это сделал. Знаю, что в этом замешана ты и твоя лента. Обещаю: если я всё узнаю, сечь розгами никого не будут.

– Не будут? – почти теряя сознание, переспросила Фиона.

– Я обещаю. Ну, говори. Это Адония? Да?

– Это... Да. Это Адония.

– Ну, вот. Кто же ещё. Я так и знала. Где лента?

– Адония сказала спрятать её.

– Это понятно. И где ты её спрятала?

– Повязала на себя, под рубашкой.

– Достань.

Через четверть часа Адония и Фиона стояли, прислонясь к стене, в коридоре, возле дверей кабинета.

– Метресса обещала, что сечь никого не будут, – всхлипывая, оправдывалась Фиона.

– Конечно не будут, – невесело усмехаясь, проговорила Адония. – Накажут как-нибудь по другому. Страшнее. Да ты не реви. С тобой всё обойдётся, ты совершенно здесь ни при чём. А я как-нибудь выкручусь. В первый раз, что ли.

Дверь кабинета распахнулась. Вышла, с победным багрянцем на дряблых щеках, сестра Ксаверия. Жестом приказала девочкам идти за ней. И привела ко всем остальным, в спальную залу. Здесь, оттолкнув Фиону в сторону и оставив рядом одну Адонию, она громко произнесла:

– Донна Бригитта распорядилась, чтобы узнали все. Эта воспитанница отправляется в чулан!

Стон пронёсся над серой испуганной стаей.

– Иди! – ликующим голосом приказала Ксаверия. – Чулан – в той стороне! Тебе дадут хлеб и воду, и ты будешь сидеть там два дня!

– Ну и отсижу. А через два дня вернусь. Попомни, Чёрная Нога.

И, заложив за спину руки, Адония повернулась и вышла. Сестра Люция, стоявшая с приготовленными водой и хлебом, испуганно отшатнулась от неё, как от покойницы.

– Вы слышали! – трагически воскликнула сестра Ксаверия. – Вы все слышали! Она угрожала мне!

Однако, вместо сочувствия, в задних рядах воспитанниц прошелестело:

– Чёрная Нога!

Прошло полчаса. Фиона не пошла на завтрак. Она лежала на кровати лицом вниз и до изнеможения рыдала. Воспитанницы, подавленные, скорбные, принесли ей картофелину и стаканчик компота.

– Чулан – это очень страшно? – спросил кто-то из обступивших кровать Фионы.

– Ещё как! – ответили ей. – Там же крысы! Ровенку год назад сажали в чулан, так она визжала там как резанная, а когда её вытащили, она день в обмороке пролежала. А Адония-то никогда ещё в чулане не сидела.

– Из-за меня, из-за меня, – рыдала Фиона. – Из-за меня!

Адония, стоя посреди страшилища, именуемого «чуланом», осматривалась. Позади дверь. Впереди деревянный настил, на уровне колен, вместо кровати. Раскинув руки, можно одновременно достать и левой стены, и правой. Тусклый свет проникает сквозь маленькое зарешёченное окно под самым потолком. Ну вот, дожидая до чулана. Что дальше?

Подойдя к настилу, Адония смахнула с него чёрную полуистлевшую солому, положила на доски хлеб и поставила кувшин с водой. Села рядом, поджала ноги, охватила колени руками.

– Зимой здесь было бы холодно, – сказала она сама себе. – А сейчас – пустыки. Два дня – это не долго.

Вдруг её внимание привлёк короткий шорох внизу. Адония встала на четвереньки, всмотрелась.

Она не знала, что в эту самую минуту в ворота пансиона постучали двое монахов.

Всмотрелась – и увидела, как, чутко подрагивая тонкими прямыми усами, из щели между стеной и полом выбрался толстенький серый зверёк с длинным голым хвостом. Адония тихо щёлкнула языком. Зверёк метнулся назад и исчез. Тогда маленькая заключённая отщипнула кусочек хлеба и бросила его к чернеющей щели. Прошло несколько томительных, долгих мгновений. Опять показалась острая мордочка, дрожащие, тонкие, словно проволочки, усы.

– Так ты, значит, крыса, – наблюдая за тем, как зверёк расправляется с хлебом, проговорила Адония. – Какая прелесть.

Тени из прошлого

В ворота пансионата постучались двое монахов. Ими были патер Люпус и заметно возмужавший Филипп. Их свита, – эскорт и карета, – остались неподалёку, на ферме, и эти двое выглядели так, будто их действительно только двое, и пришли они издалека. Как и пять лет назад из бойницы спустили корзинку и Люпус положил в неё заготовленное письмо к метрессе.

Через полчаса ворота приоткрылись и хмурая привратница произнесла:

– Мужчинам сюда входить нельзя. А деньги можно передать мне. Донна Бригитта распорядилась.

– Я старый монах, а не мужчина, – кротко ответил ей Люпус. – Со мной наш казначей. Мне нужно самому увидеть оставленную мной сиротку. Мы отдадим деньги и сразу уйдём.

Привратница отступила, притянула створку ворот и заложила брус. Через полчаса она снова отворила ворота и сообщила:

– Можно войти старому монаху.

– Сестра! – устало вздохнув, сказал Люпус. – Передай достопочтенной и уважаемой мной метрессе, что в нашем монастыре весьма строгие правила. Казначей должен лично передать деньги в руки метрессе и лично получить расписку.

Двое пришедших, присев перед воротами, прислонились спинами к нагретым солнцем потемневшим от времени плахам. Они терпеливо и молча ждали. Снова приоткрылись ворота.

– Пусть войдёт только монах и принесёт с собой деньги. Он же получит расписку.

– Прости, сестра, что доставляем тебе столько хлопот. Будь так добра, передай метрессе, что если нас не впустят, то денег она не получит, а сиротку мы ждём здесь. Мы забираем её с собой. Сейчас же.

Через полчаса привратница строгим голосом заявила:

– Можете войти. Оба.

Двое смиренно склонившихся монахов, не оглядываясь по сторонам, степенно ступая, дошли до кабинета метрессы.

Донна Бригитта, с демонстративным неудовольствием поднявшись из-за стола, подошла к старому монаху на отмеренные этикетом два шага. Осторожно, чтобы не свалить высокий белый колпак, поклонилась. В этот миг в кабинете будто щёлкнула искра. Монах не поклонился в ответ! Глядя прямо в глаза оторопевшей метрессе, он вытянул из рукава небольшой, сложенный втрое неопечатанный лист и протянул его управляющей пансионом. По лицу донны Бригитты было видно, что она мучительно ищет ответ на вопрос – как себя вести после столь явной невежливости. И, чтобы дать себе минутку на раздумье, она медленно приняла протянутое ей письмо, медленно развернула. И помертвела.

Восковая бледность хлынула на её лицо. С середины белого листа на неё своим страшным оком смотрела чёрная печать испанской инквизиции. Она подняла ослепшие глаза на страшного вестника, а патер Люпус, шагнув, размахнулся и со всей силы ударил её по щеке. Метресса рухнула на колени.

– Ты два часа держала меня за воротами, донна, – тихим и мирным голосом сказал старый монах.

Он обошёл стоящую на коленях метрессу, обошёл слетевший с её головы и откатившийся к ножке стола колпак и сел в кресло владелицы кабинета.

– Ты думаешь, что покинула Испанию очень давно. И что всё забыто. Нет. Не забыто. Ты думаешь, что укрылась в другой стране, купила себе хорошую должность, и жизнь пройдёт так, как ты пожелаешь. Нет, не пройдёт.

Вдруг раздался почтительный стук в дверь и, после небольшой паузы, в кабинет заглянула Ксаверия. Она увидела стоящую на коленях метрессу и угодливая улыбочка, блуждавшая на её лице, мгновенно исчезла. Показав, во что может превратить человеческое лицо гримаса ужаса, Ксаверия попятилась, нетвёрдой рукой притворяя дверь. Люпус кивнул Филиппу и тот, быстро выйдя за дверь, вежливо, но с металлом в голосе проговорил:

– Сестра! Вас просят войти.

И стоял в открытом проёме, пока Чёрная Нога перемещалась из коридора в кабинет. Ксаверия вошла, секунду помедлила и, глубоко поклонившись сидящему за столом монаху, встала на колени рядом с метрессой.

– Кто ты и что здесь делаешь, – глядя ей прямо в глаза, спросил Люпус.

– Меня зовут сестра Ксаверия, падре! Я кастелянша...

– Значит, отвечаешь за имущество пансиона. Высокий чин. У меня имеются две просьбы, сестра. Первая: подай нам сюда завтрак. Накрой отдельный столик на троих человек, а мне подашь сюда, где я сижу. Еда чтобы была самая лучшая. Вина можешь налить. Я разрешаю. Вторая просьба: приведи сюда сиротку, которую я лично спас однажды в лесу, где разбойники убили её родителей. Бригитта приняла её на воспитание пять лет назад. Имя сиротки – Адония. И сообщи всем послушницам, чтобы проверили – всё ли в порядке в пансионе. После трапезы я буду его инспектировать.

И милостивым кивком отпустил.

Услышав торопливые шаги в коридоре, Адония с досадой ткнула кулачком в стену. Она, бросая кусочки хлеба всё ближе и ближе, подманила хозяйку чулана почти к самой постели. У неё давно ныли колени и болела спина, но она упрямо сидела, склонившись вперёд, поджав под себя ноги и, как заклинание, повторяла прячущейся под лежанкой крысе:

– Иди же, не бойся же! Мы будем дружить!

Крыса, наконец, настолько освоилась, что села на задние лапки и принялась умываться. Адония радостно замерла. Но в этот миг в коридоре послышались быстрые шаги.

– Девочка золотенькая! – пропела Ксаверия, отомкнув замок, распахнув дверь, и, конечно же, спугнув крысу. – Идём со мной. Ты ведь не сердись на меня? Ты ведь добрая девочка? Я тоже буду доброй-предоброй. Мы будем дружить!

Она вела Адонию по длинному тюремному коридору и, забегая то слева, то справа, торопливо бубнила:

– Там приехал священник, который спас тебя на поляне, где твои мама и папа умерли от бандитов. Он очень строгий, но очень добрый. Он все эти годы нам платил, чтобы мы тебя кормили и обучали! Ты не жалуйся ему на нас, хорошо? А мы никогда к тебе больше не будем строгими. Мы будем дружить!

Последний подарок

За маленьким, поставленным торцом к большому столиком сидели немногословный монастырский казначей, Адония и донна Бригитта. Они вкушали местные яства. Алая щека метрессы ярко подчёркивала её бледность. Совершенно потерянная, она не просто сидела рядом с воспитанницей. Она прислуживала этой ничтожной, этой своенравной девчонке. Патер Люпус сдвинул своё блюдо на угол. На освободившееся пространство перед собой он бесцеремонно выкладывал все, какие только обнаруживал в столе метрессы, бумаги – и письма, и секретные денежные счета. Когда Адония насытилась и, прошептав слова благодарности, перекрестилась, он сдвинул в сторону и бумаги.

– Ты вспоминаешь меня, дочь моя? – спросил он Адонию.

– Да. Я помню вас, падре.

– Называй меня «патер». Что же ты ни о чём не спрашиваешь меня, девочка?

– Но ведь мне нельзя задавать вопросы, патер!

– Теперь уже можно. Спрашивай.

– Скажите, патер, они... правда умерли?

– Да. Я смог выкупить у разбойников только тебя. Отца твоего вызвали на поединок. Он был дворянином и не мог отказаться. А мама твоя умерла от горя,

через несколько дней.

- И ещё они убили нашу собаку.

- Это был такой большой чёрный пёс.

- Да.

- Скажи, Адония. Если бы тебя отпустили из пансиона, куда бы ты хотела поехать? Где побывать, что увидеть?

- Я давно уже очень хочу увидеть город, где живут люди. И ещё я хочу увидеть корабль.

- Какой именно город? Лесной, портовый, ярмарочный? Большой, маленький? Лондон, Плимут? И какой именно корабль? Торговый, военный?

- Все!

Казначей и монах, взглянув друг на друга, сдержанно улыбнулись.

- Я принял решение, - проговорил, не тая улыбки, умилённый монах, - забрать тебя из пансиона. Я сам продолжу твоё воспитание. Ты узнаешь много наук, о которых здесь и понятия не имеют. Я буду отвозить тебя в разные города к самым разным учителям. Так что попрощайся с подружками.

Адония встала из-за столика, повернулась к метрессе и исполнила реверанс.

- Не будет ли у тебя на прощание каких-нибудь пожеланий? - спросил благодушный монах.

- Да! - почти вскрикнула Адония. - У меня есть одно пожелание! А Бригитта его исполнит?

- Вы исполните пожелание нашей воспитанницы, уважаемая метресса? - ровным голосом спросил Люпус.

– Всенепременно исполню, падре...

– Только это секретное пожелание, – воодушевлённо проговорила Адония. – Можно, мы выйдем, и я скажу его по секрету?

– Ну конечно же можно. Только не проси, чтобы Бригитта отпустила всех девочек по домам.

Когда воспитанница и метресса вышли, Филипп спросил у монаха:

– Мне бы хотелось узнать, патер, какую тайну вы знаете о метрессе? Может, с моей стороны это праздное любопытство, но, наверное, будет полезно узнать, какая тень прошлого может напугать человека до полусмерти.

– Не знаю я никакой тайны. Всё, что о ней известно из клирикальских сплетен, это то, что она, юная донна, в явной спешке бежала из своего имения в пригороде Мадрида. Бросив на произвол судьбы солидное состояние. И никогда в жизни в Испанию не возвращалась. Вот и всё. Если у человека в памяти есть страшная тайна, то достаточно встать перед ним, уставить в грудь его палец и грозно произнести: «Ты думаешь, всё забыто?» Остальное ты видел.

В кабинет вернулись воспитанница и её бывший враг. Лицо Адонии сияло. Метресса же была близка к обмороку. Нет, Адония не просила её отменить наказания розгами – она просто не знала, что существует жизнь без розог. Не потребовала она и заколотить чулан – просто он не показался ей чем-то ужасным. То, о чём она попросила, и что метресса клятвенно обещала исполнить, Адония доверила лишь Фионе. На ушко, шёпотом, при прощании. Когда монахи и бывшая воспитанница покинули пансионат, Фиона поделилась тайной с владелицами сокровищ. И в тот же час новость облетела всю взволнованную серую стаю. Все, от самой маленькой до самой старшей, изнывая от нетерпения, ждали воскресного утра.

И вот оно наступило. Когда воспитанницы пришли к завтраку, они издали единый громкий вздох. На столах, возле каждого прибора, в отдельных тарелочках покоились большие пластины сладкой яблочной пастилы.

– Всё правда! Всё правда! – шептали вокруг Фионы. – Адония не обманула! Она приказала метрессе, и та послушалась!

Но Фиона не радовалась.

– Мы ведь едва только встретились, – горестно прошептала она, и из глаз её выкатились две прозрачные крупные слёзки. – Никогда у меня больше не будет такой подруги! Никогда... Никогда...

Глава 4

Витраж в бастионе

В карете, на широком, обтянутом чёрной кожей диване, сидели, покачиваясь, казначей и монах. Адония, свернувшись калачиком, в своём сером приютском платье, спала на противоположном диване.

– Эта девочка уже начала приносить удачу, – негромко сказал патер Люпус, отправляя довольный взгляд на одну из лежащих между ним и Филиппом бумаг. (За некоторых воспитанниц, как оказалось, опекуны делали крупные взносы, и Бригитта скопила для себя заметную сумму.)

Оба улыбнулись. Оба знали, что на запятках кареты, прикрученный среди прочего груза, они увозят небольшой, но тяжёлый сундук метрессы. Кроме изъятого, Бригитта и на будущее была обложена твёрдым налогом.

С каждым годом золота в монастыре прибывало.

«Девять звёзд»

Карета, обогнув громадную круглую башню, остановилась. Из неё неторопливо вышли утомлённые неблизкой дорогой настоятель монастыря и его спутник. Как и пять лет назад, нащупав ногой в стоптанном приютском башмаке ступеньку, прыгнула взволнованная Адония.

Вот он, большой мир, о котором она так мечтала! Сколько взрослых людей! Клумбы с цветами! Лошади! Забавная пёстрая кошка сидит и, нализывая лапу, моет мордочку! Ба, живые мальчишки! Двое! Интересно, во что они умеют играть?

Она была до смешного похожа на маленького птенца – со своими изумлённо распахнутыми глазами, с коротко обрезанными рыжими прядями, хрупкая, лёгкая, в серой уютной хламидке.

Приезд патера не обставлялся никаким ритуалом. Тот, кто шёл по двору, ведомый своими делами, приостанавливался, кланялся – и всё. Если патер не приглашает ни к приветствию, ни к разговору – то нечего и соваться.

Вдруг один из обитателей монастыря, весьма молодой, смело прошёл к карете, снял роскошную шляпу, взял её наотмашь и, поклонившись, принял и поцеловал патеру руку.

– Давно ли вернулся, Цынногвер? – поинтересовался старый монах.

– За день до вас, патер, – ответил поклонившийся на редкость приятным и чистым голосом.

– Наверно, с хорошей добычей?

– Иначе какой смысл приезжать!

– Хорошо. Отдохну – и приду полюбоваться. Ты всегда привозишь что-нибудь необычное. Вот, рекомендую: Адония. Моя воспитанница. Приехала начать обучение.

Цынногвер с серьёзным лицом повернулся к Адонии и, уже виденным ею жестом отведя в сторону шляпу, сделал поклон. Подхваченная сладкой волной восторга, Адония немедленно ответила на приветствие, опустившись в грациозный изысканный реверанс.

– Не угодно ли будет вам, патер, поручить юную даму моим заботам, хотя бы на сегодняшний день?

– Разумеется, поручаю. И, думаю, никто лучше тебя не познакомит нашу маленькую подружку с прекрасным доменом, именуемым «Девять звёзд».

Цынногвер надел шляпу и, подойдя, предложил Адонии руку, но её не обучали этикету отношений между дамами и кавалерами, поэтому она просто взяла его руку, вложив ладонь в ладонь, как Фиону в далёком уже пансионе. Её кавалер лучисто улыбнулся и, свободной рукой сделав округлый приглашающий жест, повёл покрасневшую от удовольствия птичку в глубину построек.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду глава англиканской церкви.

2

Клир – высшее церковное руководство.

3

Лэнд – территория, поместье.

4

In folio (лат.) – в полный лист

5

Риторически – то есть уже зная ответ.

6

Возьмём-ка вместе!

Купить: https://telnovel.me/ru/shervud_tom/adoniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)